

**Бабулин Константин
Леонидович**

**Личный бумажный
Демон**

Константин Леонидович Бабулин

Личный бумажный Демон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29021541

SelfPub; 2018

Аннотация

Арт-детектив, который не только развлечёт вас запутанной интригой и непредсказуемым поведением необычных героев, но даст ответы на некоторые острые вопросы. Среди которых: Загадка гибели Лермонтова (очень любопытная история, дорогие читатели, уверяю вас), Математическая цикличность смены власти в России (только ради этого стоит полистать страницы романа), И главное – что ждёт нас в 2018 году. Содержит нецензурную брань.

Личный бумажный Демон.

Бабулин К. Л.

2016– 2017

На двадцать втором этаже, современного делового центра, в шикарном офисе фонда «Культурное наследие», за небольшим овальным столом, сидели три женщины. Две из них с одного края, третья напротив.

– В этом году, исполняется 160 лет со дня рождения великого русского художника-символиста – Врубеля Михаила Александровича. – Типичным голосом лектора экскурсовода говорила одна из двух, обращаясь к третьей. – Дата его рождения 17 марта 1856 года. – Она сделала профессиональную паузу, акцентируя важность сказанного. – По роковому совпадению в том же, 1856 году, вышло в свет первое издание поэмы Михаила Юрьевича Лермонтова «Демон». – Она снова сделала паузу проверяя, оценила ли собеседница совпадение дат. – Понимаете?

Женщина, к которой она обращалась, вздохнула – «Вот угораздило нарваться на лекцию по искусству» – И скептически пожав плечами, дала понять, что не очень-то разделяет важность совпадения дат двухсотлетней давности. Искусствовед заметила её скепсис, и обернулась к третьей участнице, как бы за поддержкой.

– Вот видите, не понимает, и никто не понимает. – С очевидным удовольствием воскликнула она, и театрально, зало-

мив руки, порывисто вернулась к первой. – А ведь это важно, очень важно. Это, только начало роковых совпадений. Папа, будущего великого художника, Александр Михайлович Врубель служил в том же Тенгинском пехотном полку, что и Михаил Юрьевич Лермонтов...

«Понятно, если этот поток сознания не остановить, то до дела мы, так и не дойдём...» – Светлана, так звали неблагодарную слушательницу, с сожалением посмотрела на часы, а потом вопросительно на третью участницу встречи.

– Можно сразу к делу? Я извиняюсь, конечно, но вряд ли вы позвали меня слушать лекцию про роковые совпадения.

Женщина искусствовед, всплеснула руками, но возразить не успела.

– Виктория Александровна. – Остановила её третья собеседница. – Давайте я обрисую проблему в двух словах, а потом, когда понадобятся подробности, вы нам их добавите. Итак...

«Какой шикарный голос, глубокий, властный, чистый, таким только романсы петь. – Светлана без стеснения, рассматривала, говорившую. – И внешность под стать: Крупная, но не толстая, скорее сильная, и роста такого, нормального, когда здоровались, она была чуть выше меня, значит метр семьдесят восемь – семьдесят девять, а то и все восемьдесят. Сильные плечи, прямая осанка, талия, конечно, подводит,

но это её не портит – красивая. Да, стильная и красивая, но красивая странной красотой, скорее мужской... Хотя, нет...

– Мы готовим выставку, – Продолжала, властная красавица вместо искусствоведа, – посвящённую двум событиям: Сто шестидесятилетию художника и сто шестидесятилетию первого печатного издания поэмы Лермонтова «Демон». Выставка должна состоять из иллюстраций Врубеля к поэме, вошедших и не вошедших в книгу, а также истории создания самого поэтического произведения. Для организации выставки, мы наняли куратора Кашину Елизавету Андреевну, в задачу, которой входило разработать концепцию выставки и собрать материалы для неё. – Видно было, что по каждому пункту ей, и уж тем более её помощнице-искусствоведу, есть много чего добавить, но она честно удерживалась в рамках схематичного рассказа.

Светлана, продолжая внимательно изучать даму, вдруг поймала себя на мысли, что не помнит, как её зовут. Визитка лежала на столе, рядом с чашечкой кофе, поэтому она наклонилась вперёд, взяла чашечку и заодно посмотрела, что написано на визитке – Вице-президент фонда «Культурное наследие» Шахова Любовь Павловна. Светлана подняла голову на вице-президента, соединяя имя и внешность. – «Шахова... Да, подходит». – Затем перевела взгляд на искусствоведа. – «Полненькая, даже не полненькая, а скорее рыхлая, бесформенная какая-то. И лицо неинтересное, круглое. При-

пухшее что ли? От чего, от чтения по ночам или от рюмки другой, а то и третьей на ночь? Волосы, пережженные перекисью... мда Виктория Александровна... Победа значит... неважнецкая, конечно победа, а фамилия наверняка что-нибудь вроде Кругликовой или Бубликовой». – Она сделала над собой усилие, и вернулась к рассказу Шаховой.

– Кашина прекрасно справилась со всеми организационными вопросами: договорилась с музеем Лермонтова о проведении у них выставки, договорилась с музеями и частными владельцами о том, что те дадут нам картины, книги и рукописи на эту выставку. Собрала материалы для каталога, и по срокам всё было, более или менее, даже скорее более, чем менее. И вдруг, неделю назад, она позвонила мне в приподнятом настроении, сообщила, что узнала, где находится последний, недостающий рисунок для выставки, и что завтра, она едет смотреть его. И всё – пропала. С тех пор о ней ничего не известно. По телефону недоступна, и никто не знает где она.

«Наконец-то что-то интересное». – Внутренне оживилась Светлана:

– В милицию заявили? Пардон в полицию, никак не привыкну.

– Да, заявили, но пока нет трупа, шибко напрягаться они не будут. Это уже ясно. Я каждый день дёргаю их, но в ответ слышу только стандартные фразы: «Работаем», «Делаем

всё возможное», да «Как что-то будет известно, сразу сообщим».

– Понятно... И что требуется от меня?

– Найти рисунок, о котором рассказала Кашина перед исчезновением.

– О как... А её саму не нужно?

– Ну, как вам сказать... Если в процессе поиска рисунка найдёте, а точнее – выясните что с ней случилось, то лишним это не будет. Но, для нас приоритет – сам рисунок.

– Да? А если Кашина погибла? Вам всё равно, что ли?

– Нет не всё равно, но с этим пусть полиция разбирается. Наша цель выставка. Работа проведена огромная, средства затрачены тоже, и если всё сорвётся, то это будет очень плохо.

– Не поняла, что сорвётся? Выставка? Из-за одного рисунка?

– Да, мы поставили амбициозную задачу собрать все рисунки, и почти, что справились с ней. Остался один, и его нужно найти.

– То есть, вы хотите сказать, что если не будет этого рисунка, то вы отмените выставку?

Шахова поджала тонкие губы и утвердительно несколько раз, то ли покачала, то ли покивала головой.

– Это возможно...

Светлана, ещё раз внимательно оглядела двух женщин перед собой. – «Что за чушь они несут? Или я чего-то не по-

нимаю в этой жизни, или они психи и тогда нужно заканчивать этот разговор. Так-то внешне, вроде не скажешь что они с приветом, Шахова, по крайней мере. Говорит серьёзно, не дёргается в отличии от соседки. Эта, как раз, вся извертелась, то наберёт воздух, то выдохнет, и всё время хочет что-то добавить... столько энергии тратит в пустую, но тут всё понятно – ей бы мужичка хорошего, чтобы трахал её хотя бы пару раз в неделю, сразу бы полегче стало с лишними мыслями в голове. Только где ж его взять-то, приличного, да, Победа Александровна? С такой внешностью, только умеренно пьющий отставник ПВО, из депрессивного региона, в лучшем случае, да и то, если есть квартирка. А вот если ты ещё и с мамой живёшь – то совсем пиздец. Ладно, с этой всё ясно, а вот Шаховой зачем весь этот геморрой? Дали тебе задание провести выставку – ну так проводи. Что за заскоки с какими-то амбициозными целями? С чем у тебя могут быть проблемы, что ты занимаешься этой мурнёй, «либо всё либо ничего»? Тут что-то не то. Не нравится мне всё это. Секс? Нет, с сексом у тебя точно всё в порядке. Хотя...». – Светлана попробовала представить мужчину, который подошёл бы Шаховой по стати, и не смогла. Всё время, почему-то, рядом возникали какие-то шибздики. – «Странно, не могу представить с ней какого-нибудь статного красавца. С чего бы вдруг? Чушь какая-то... и в голову лезет чушь, и вокруг одна чушь» – Извините, может я невнимательно слушала, но повторите ещё раз, для бестолковых: – Что такого особенно-

го вы собираетесь показать на этой выставке?

– Вот, я же говорила, что кратко не получится, нужно подробно... – Встряла, наконец, Виктория Александровна.

– Хм... – Шахова задумчиво помолчала, соображая, как продолжить. – Понимаете. – Наконец начала она. – И Лермонтов и Врубель были, как бы это сформулировать помягче... сильно зациклены на теме Демона. Лермонтов всю свою короткую жизнь писал, и переписывал поэму «Демон», стараясь описать его образ. И нет уверенности, что справился с этим. Историкам известны восемь вариантов поэмы, в которых менялся, как сюжет так и, образ демона. Последняя известная нам редакция поэмы, написана им в 1838– году, за два года до смерти. Врубель тоже всю жизнь, словно одержимый, пытался изобразить Демона, и на этой почве несколько раз оказывался в психбольнице, где и умер, в конце концов. Эту малоизвестную сторону их биографии мы и хотим показать на выставке.

– А зачем?

Вопрос Светланы заставил женщин напротив, повернуться друг к другу с одинаковым выражением лица – «Как же ей объяснить-то попроще?»

– Это же всё объясняет... – Продолжила Шахова. – Это ключ к загадке творчества вообще и ... – Она остановилась, увидев, что имеет в лице Светланы крайне скептического слушателя. Выражение её лица, красноречивее всех слов, говорило – «Я слушаю идиотов».

– Впрочем, мне кажется мы начали не с того конца. Давайте обсудим гонорар?

– Гонорар мы обсудим обязательно, но только после того, как я соглашусь работать на вас...

– Ну, например десять тысяч долларов, и плюс все накладные расходы, нормальная сумма? – Не слушая возражений Светланы, предложила Шахова.

– Хм... – Ход оказался верным, Светлана остановилась со своими возражениями, услышав цифру. – «Ого, они точно психи. И почему у таких придурков всегда полно денег? Что за несправедливость такая? У нормальных людей с нормальными желаниями вечно хрен да полынь в карманах, а у этих на свои заскоки сколько хочешь? Где справедливость? А может она, как раз наступила, эта самая справедливость? Вот прямо сейчас? Ещё утром ты сидела, думала, где бы взять миллион и вот он, пожалуйста. Да, не совсем миллион, даже по этому курсу это только 650 000 рублей, но всё таки уже что-то. Ну что согласиться? Хрен с ним, почему не повалить дурака за хорошие деньги? И кстати, почему я должна согласиться на первое предложение? Почему бы не попросить больше? А ну-ка попробуем...» – Интересное предложение, только недостаточное, увы. Я готова подумать на цифре двадцать тысяч долларов... – «Сейчас предложит пятнадцать, я поломаюсь и соглашусь на верное... Соглашусь?»

– Ну и отлично, договорились – двадцать тысяч долларов. Половина прямо сейчас и остальное после того как вы най-

дѣте рисунок. Идѣт? – Шахова уверенно смотрела на Светлану, понимая, что дело сделано.

«Вот чѣрт – двадцать тысяч долларов, это более чем хорошее предложение, и очень кстати». – Светлана поняла, что уже согласилась.

– Да, это хорошее предложение, только давайте ещё раз оговорим цель расследования. Найти рисунок это прекрасно, только вдруг его не существует? Или он уничтожен или... да мало ли что? Привязывать результат расследования к рисунку неправильно. Давайте так сформулируем – Работа будет закончена, и соответственно выплачен оставшийся гонорар тогда, когда я выясню, что случилось на самом деле. И если рисунок существовал, то либо найду его, либо выясню, где он находится.

– Ну что ж, справедливо. – Согласилась после некоторого раздумья Шахова. – Поднялась и вышла в соседнюю комнату, повозившись там некоторое время, вернулась с листом бумаги и двумя кирпичиками зелёных денег, один кирпичик побольше, другой поменьше. Положила и то и другое перед Светланой.

– Вот в этом аванс десять тысяч долларов, в этом три тысячи на текущие расходы – пересчитайте, пожалуйста, и напишите расписку, что получили деньги.

Светлана сосредоточено выполнила и то и другое, после чего отдала расписку Шаховой, а деньги засунула в сумочку.

– Так, с формальностями закончили, теперь приступим к

работе понастоящему. Так как рассказчики из вас неважнецкие, то давайте я буду задавать вопросы, а вы будете максимально честно и подробно отвечать на них.

– Давайте. – Шахова немного расслабилась и откинулась на спинку кресла, а вот искусствовед наоборот напряглась и сосредоточенно подалась вперёд.

– Вы убили Кашину?

– Чтоооо? Вы серьёзно? – Искренне изумилась Шахова. Теперь настала её очередь смотреть на собеседницу с подозрением, а нормальная ли она?

– Абсолютно серьёзно, так что?

– Нет, мы не убивали. Зачем бы нам это делать?

– Не знаю, и пока мне вашего ответа достаточно, но, если в ходе поисков я выясню, что совершено преступление и вы имеете к этому отношение – я сдам вас полиции. Это ясно?

– Да, ясно-ясно. – Отмахнулась Шахова – Вы предупредили, мы услышали и ответили, что не имеем к этому отношения. Всё? Закончили с этикой? Давайте по существу дела.

– Хорошо. Сколько стоит рисунок Врубеля?

– Какой?

– Вообще.

– «Вообще» не бывает, всегда всё очень индивидуально. На цену влияет, и год создания, и тема, и степень проработки, то есть качество самого рисунка. Например, если это портреты пациентов, которых Врубель рисовал в последние годы жизни, находясь в психбольнице, то стоимость рисунка

ков, скорее всего, лежит в пределах 10 – 20 тысяч долларов. – Подумала секунду и поправилась. – Меньше – меньше... до десяти, скажем так. Если же это рисунки из серии иллюстраций к демону, да ещё законченные и хорошо прорисованные, то это совсем другие деньги и суммы будут начинаться от двухсот тысяч долларов, и выше.

– То есть, если она нашла, как раз такой рисунок, то могла стать жертвой ограбления?

– Хм... Что значит нашла? – Не поняла Шахова. – Это же не гриб в лесу. Нашла... Рисунок кому-то принадлежал, и она не столько нашла, сколько выяснила, где он находится, и поехала к владельцу, чтобы посмотреть живьём и убедиться, что это Врубель, а не что-то похожее на него. Поэтому если кого-то и могли ограбить, то не её, а владельца.

– А может быть так – она приехала, выяснила, что это подлинный рисунок, и забрала его, чтобы привести к вам? А кто-то узнал об этом и по дороге ограбил её?

– Нет, не может. Всё гораздо сложнее и бюрократичнее. Вначале она сама должна была убедиться, что рисунок похож на настоящий. Я намеренно использую слово похож, потому, что Кашина не эксперт, и утверждать подлинный рисунок или нет, она не могла. Только предположить. После чего нужно было бы провести экспертизу, а для этого сам владелец должен был бы сдать его в экспертную организацию. И только после положительной экспертизы, владелец заключил бы договор с музеем Лермонтова, о том, что отдаёт им

рисунок на ответственное хранение для участия в выставке. Причем в договоре всё скрупулёзно оговаривается: и сроки выставки, и место нахождения рисунка. После чего любые изменения, например продление выставки и соответственно хранения рисунка, могут быть приняты, только после письменного согласования с владельцем.

– Понятно. А версия, что она каким-то образом завладела рисунком и подалась в бега?

– Зачем?

– Как зачем? Продать его самой...

– А владелец, тогда почему молчит? Информация о том, что похищен рисунок Врубеля уже стала бы известной. Пресса любит такие истории и давно уже все СМИ писали об этой краже.

– То есть, если это было, то только в том случае, если сам владелец был не в курсе, чем владеет?

– Чисто теоретически да. Но только теоретически. Чаще всего бывает наоборот – хозяева картин всегда считают, что владеют шедеврами и требуются серьёзные усилия для разубеждения их в этом. Например, любой владелец старой картины, даже неизвестного художника, всё равно уверен, что одно то, что картина старая, уже означает, что она дорогая.

– А это не так?

– Конечно не так. Старых картин много и стоят они копейки, а сейчас так и вообще ничего не стоят. Сейчас, даже картины известных художников, недостаточного качества, на-

пример этюды, или эскизы, очень трудно продать вообще, а уж за серьёзные деньги так просто невозможно – кризис. Рынком правит покупатель.

– Что это значит?

– Это значит, что не покупатели охотятся за картинами, а наоборот, к ним в очередь стоят продавцы.

– Насколько Кашина держала вас в курсе того, что она делала?

– Достаточно полно, и то, что она позвонила перед поездкой за рисунком, свидетельствует как раз об этом.

– А вы не спросили, куда или к кому она поедет?

– Нет, она позвонила вечером, и мы договорились созвониться на следующий день, по итогам просмотра.

– А с кем она встречалась в день звонка, вы знаете?

– Нет.

– Почему?

– Ну как почему? Она что, ребёнок что ли, чтобы так до тошно выяснять: где была, с кем дружит? Всё происходило в рабочем порядке. Она уже сделала очень много и не было необходимости требовать письменного отчёта о графике её работы и встречах за сутки. Ну, ясно же, что окажись рисунок подлинным, она тут же рассказала бы, и где он, и чей он.

– Она одна работала или у неё были помощники?

– Вот так вопрос... – Произнесла Шахова в затруднении, и пока раздумывала, как ответить, посмотрела на свою полненькую соседку.

– Я не знаю. – Вдруг засуетилась та, заёрзав от неожиданности. Видно было, что что-то сбило её с толку и она не знает, как правильно отвечать.

«Чего это она так дёргается на пустом месте?». – Отметила про себя Светлана.

– А что вы знаете? – переключилась она на неё.

– Я.. ам... Почему вы так смотрите на меня?

– Как я смотрю?

– Как будто я в чём-то виновата...

– А вы не виноваты?

– Стоп стоп, Светлана. Зачем вы так? Это ведь не допрос с пристрастием? Мы вас позвали помочь нам, а не устраивать здесь шоу в стиле «плохой следователь». – Пришла на помощь коллеге Шахова.

– Я ничего не устраиваю, лишь задаю простые вопросы. Что смутило в вопросе – были ли у неё помощники?

– Мы не знаем об этом.

– Это не так – вы знаете, только почему-то не хотите говорить.

Наступила неловкая пауза.

– На первоначальном этапе – да, была. – Наконец ответила Шахова, когда пауза стала уж совсем неприличной. – Но потом, между Кашиной и её помощницей произошёл какой-то конфликт, после чего Кашина работала одна.

– А что за конфликт?

– Не знаю, что-то личное, возможно. – Хотела что-то ещё

добавить, но передумала. – Подробнее не могу вам сказать. На её работе по организации выставки это никак не отразилось, так что вникать в эти подробности не было необходимости.

– Что ещё известно о Кашиной? Работа, семья?

– Она работала журналистом в журнале АртХаус, вела там раздел связанный с историческими расследованиями. Собственно поэтому мы и пригласили её на наш проект, потому что это была, как раз её тема.

– Ну, уже что-то. Она занималась организацией выставки параллельно со своей основной деятельностью?

– Да, на сколько мне известно. Тут нет ничего необычного, вполне стандартная практика, когда люди совмещают несколько не противоречащих друг другу видов деятельности. Вот если бы она работала сразу в двух конкурирующих журналах, то да. Это было бы странно, хотя и такое встречается у журналистов... Что делать? Приходится крутиться для того чтобы, заработать в сегодняшних условиях.

– Семья, муж, дети?

– Насколько я знаю, у неё есть дочь школьница, но живёт она отдельно. То ли с бывшим мужем, то ли с бабушкой. Точнее не скажу... И возраст дочери, тоже не скажу не знаю.

– Где и с кем она живёт?

– Дочь?

– Нет, пропавшая ваша.

– Никакие подробности её личной жизни, мне не извест-

ны, но живёт она вроде одна.

– А кто подал заявление в полицию о её пропаже?

– Я подала, кто же ещё? – Шахова искренне удивилась заданному вопросу.

– Почему вы, а не родственники?

– Этого я не знаю, может быть им всё равно?

– Странно как-то. А её квартиру проверили?

– Да проверили. Я при этом не присутствовала, но у бабушки нашлись ключи от её квартиры, и полицейские были там, вместе с ней.

– Рисунка в ней не было?

– Обыск они не проводили, просто проверили, что Кашиной там нет и каких либо записок от неё тоже нет. Главное для них было то, что ничего криминального они не обнаружили, всё в порядке с виду, всё на месте. Рисунков никаких не было.

– А я смогу попасть в квартиру? С кем нужно решить этот вопрос, с бабушкой? У вас есть её телефон?

– У меня нет, но есть в полиции, и я могу спросить у них.

– Да, это нужно сделать.

– Хорошо.

– С кем она ещё контактировала во время сбора материала для выставки?

– С сотрудниками музея Лермонтова, конечно.

– Есть их контакты?

– Конечно. Виктория Александровна даст вам все телефо-

ны, она там раньше работала и всех знает.

– Хорошо, и мне также нужны контакты с её места работы.

– У меня есть телефон их главного редактора. Сейчас секунду. – Она порылась в своём смартфоне. – Вот нашла, записывайте. – И продиктовала номер Светлане. – Надежда Азарова. Сейчас я ей позвоню и предупрежу, что вы с ней свяжетесь.

Она отправила вызов.

– Надя привет, это Шахова. Нет, нет новостей. Как раз по этому поводу, я и звоню. Мы подключили к поискам Лизы Светлану Волкову, я дала ей твой телефон. Да, да, хорошо. – И нажала отбой. – Всё. – Посмотрела на Светлану. – Вы всё слышали, она вам поможет.

Светлана, тем временем, внимательнейшим образом всё слушала и ещё внимательнее наблюдала за собеседницами, и мимо неё не прошли, ни «Лиза», ни «Надя» ни «тебе», ни очень дружеский тон. – «Они прекрасно знают друг друга, и то, что Шахова не всё рассказывает, что знает – очень и очень странно. И что делать?»

– О, опять этот взгляд. – Шахова поймала на себе пристальный взгляд Волковой. – Вы как будто не верите нам? Говорите, что опять не так?

– Да всё, не так. Первое и главное – вы мне говорите не всё, что знаете. Второе – я не понимаю, зачем вам всё это нужно. Вашему искусствоведу особенно. – Она говорила о Виктории, не глядя на неё, и от этого ей было ещё обиднее. –

Ей не Лермонтов с Врубелем нужны, а крепкий майор запаса, чтобы трахал её иногда, а если с этим сложно, тогда ей нужно купить вибратор в сексшопе, благо один из них через два дома отсюда. И не книжки читать по ночам, а трахаться хотя бы с ним. С Вами Любовь Павловна, посложнее, у вас есть всё, и вам скучно от этого. И единственное, что вас развлекает это манипулирование людьми. – Остановилась, пристально посмотрела на Шахову, и добавила. – И что-то ещё, чего я пока не поняла.

Она замолчала, и в комнате повисла звенящая тишина, во время которой Светлана наблюдала за реакцией женщин.

– Bravo. – Шахова ничуть не обиделась. – Мы правильно поступили, пригласив вас. Это называется поднять зверя, да? Хорошая попытка и почти получилась. Мне понравилось. На счёт Виктории Александровны вы зря так зло, она хороший человек и отличный специалист. То, что с личной жизнью не задалось пока – ну что делать? Не у всех она бьёт ключом, кому-то надо и просто работать. Про меня вы тоже не правы, я рассказала всё, что имеет отношение к делу, уж поверьте. И готова потратить серьёзные деньги, для того чтобы выяснить что случилось.

– «Как ловко выкрутилась, даже глазом не моргнула. Сильная тётка, молодец». – Светлана оценила Шахову. – «Не удалось поднять зверя, это она точно подметила».

– Откуда вы знаете про зверя? Вы охотились? – Спросила она совсем другим тоном, спокойным и даже чуть-чуть то-

варищеским.

– Нет, но вашу биографию я, конечно, изучила перед встречей. – Уловила эту перемену Шахова и тоже отвечала в положительной тональности. – И читая о ваших охотничьих приключениях, искренне удивлялась, что такое ещё бывает в жизни, хоть книгу пиши. Живьём вы ещё интереснее и я рада нашему очному знакомству.

– Многое из того, что написано обо мне в интернете – сильно преувеличено.

– Не скромничайте. Можно один личный вопрос?

– Ого, личный – давайте.

– На кого охотиться опаснее всего?

– На тигра. – Не задумываясь, ответила Светлана.

– Ух ты, удивили. Я ждала ответа – на человека.

– Нет, на тигра. И самое опасное в этой охоте то, что ты не замечаешь, когда уже не ты на него охотишься, а он на тебя.

Помолчали.

Шахова обдумывала услышанную фразу о тигре. Виктория Александровна, переваривала услышанное о себе. Светлана тоже задумалась о чём-то своём, и это не было обдумывание плана действий. Через минуту другую, она спохватилась, несколько раз тряхнула головой, и стала собираться.

– Давайте на этом прервёмся. Я проанализирую услышанное, и к завтрашнему дню набросаю план действий, после чего свяжусь с вами. Хорошо?

– Отлично. – Шахова поднялась, и по мужски, протянула

руку для прощания. – Рада была познакомиться. – Светлана так же твёрдо пожала её в ответ и ушла.

Искусствовед Виктория, как сидела, задумавшись, так и продолжала сидеть, и скорее всего даже не заметила, что Волковой уже нет.

– Ну как вам она? По-моему, то что надо. – Решила вернуть её к жизни Шахова.

– Редкостная хамка. Я не готова общаться с ней после того, что она тут наговорила. – Виктория Александровна очнулась, поднялась и стала обиженно собираться.

– Это не хамство, это хитрость, ей не хватало информации и она решила расшевелить нас. И ей это удалось.

– И потом – пропуская слова Шаховой мимо ушей, продолжила Виктория Александровна. – как она будет выяснять что-то, если она ничего не знает, ни о Лермонтове, ни о Врубеле, да и вообще о нашей арт среде?

– Так-то оно так, только это не помешало ей найти пропавшую картину Коровина год назад. Незадачливый владелец доверился одному известному арт дилеру и в результате лишился, и картины, и экспертизы на неё. Всё было сделано так ловко, что в полиции только руками развели и кроме сочувствия ничем не могли помочь потерпевшему. А Волкова, каким-то образом, не только нашла картину, но и вернула её владельцу. А за полтора года до этого...

– Ну и что? Бандиты тоже решают чужие проблемы, только потом отделаться от них оказывается ещё большей про-

блемой, чем была сама проблема....

– Ничего себе примерчик. – Удивилась Шахова, и не удержалась от лёгкого сарказма. – Вы откуда это знаете? У вас есть знакомые бандиты?

– Нет, слава богу.

– Волкова не бандит, она охотник. И не просто охотник, а охотник на опасных животных. – Улыбнулась и добавила. – И она мне понравилась. Интересный человек, и смелый. Люблю таких.

– Где здесь смелость? Гадости говорить смелость?

– Ну, не будем спорить, я попрошу её извиниться перед вами, за бестактность и всё будет в порядке. – Шахова тоже стала собираться. – Вас подвезти куда-нибудь?

– Нет спасибо, хочу пройтись, подышать немного.

– Хорошо.

Через десять минут у входа. Волкова.

Светлана сидела в машине, прямо напротив входа в офис-центр, и чего-то ждала. – «Интересно о чём они говорят после моего ухода? Надо было взять с собой микрофон и поставить там под столом. Сейчас бы не пришлось гадать, что они от меня скрывают». – Потом её мысли поменяли направление, и она потянулась к сумочке, чтобы достать из неё запечатанный конверт. Несколько секунд покрутила его в руках, словно пытаясь разглядеть, что там внутри. – «Ну что

открыть? Ясность всегда лучше неизвестности. А если там подтверждение диагноза? Это будет лучше неизвестности? Так хоть надежда остаётся... Мда. – Она решительно убрала конверт обратно. – «Завтра открою, или через неделю, никуда не денется чего уж теперь». – Она энергично застегнула сумку, и посмотрела на вход офисного центра. И вовремя, из него, как раз выходила Шахова. Огляделась, увидела подрулившую к ней шикарную машину, и стала спускаться по ступеньками. – «Ну-ка, ну-ка, ну-ка... Кто там у нас такой ушлый?» – Из машины выскочил невысокий мужичёк, в дорогом костюме, но с пузиком и в возрасте. Такой шустрый шибздик, с какими-то кавказскими мотивами во внешности. Показушно легко взбежал навстречу, и приобняв за талию, чмокнул Шахову в щёку, для чего ей пришлось наклониться. – «Фу какая гадость», – Светлана поморщилась от искреннего расстройствa за неё. – «Позор, ну просто позор. Зачем он тебе? Из-за денег? А вдруг любовь? Нет, любовь исключаем, как совсем гадкую версию. Тогда что? Всё-таки деньги? Неужели он даёт тебе денег, и имеет тебя за это и спереди и сзади?» – Она брезгливо поморщилась, от представившейся постельной сцены, и даже открыла окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. Тьфу. Приоткрыла дверь и сплюнула, на асфальт скопившуюся во рту горечь. – «Как я разочарована. Эх».

Она демонстративно отвернулась, чтобы не видеть этот ужас, а когда повернулась обратно, то опять оказалось во-

время, потому что следом из раздвижных дверей выходила Виктория.

«Ну, давай, Победа Александровна добей меня что ли. Где твой красавец на белом коне?». – Но никакого красавца не обозначилось. Она никого не искала и не высматривала вокруг, просто двигалась в заданном направлении. – «Что и следовало доказать». – Кисло отметила про себя Светлана, и уже было, нащупала рукой ключ зажигания, да зачем-то проследила взглядом, куда направилась искусствовед. – «Странно, метро в другую сторону. К машине что ли? Ну и на чём ты катаешься? Сейчас возьмёшь и всё-таки удивишь меня, если сядешь не в убитый «фокус», а в крутую бэху». – Однако проследив за ней ещё чуть дальше, была вознаграждена с торией в своих ожиданиях. Виктория Александровна дошла до дверей сексшопа, помялась немного в нерешительности, и вошла внутрь. – «Опаньки – Ахнула Светлана. – Совет-то не прошёл мимо... Ай да Победа... Этого нельзя пропустить». – Она выскочила из машины и быстрым шагом поспешила вслед за искусствоведом в царство разврата.

Секс-шоп. Виктория.

«Зачем я это делаю?» – задавала она себе риторический вопрос, стоя перед дверью магазина «для взрослых». – «Я взрослая серьёзная женщина, что они там подумают обо мне?» – говорил ей один голос, но тут же, второй оппони-

ровал первому – «А это и есть магазин для взрослых, чего ты дёргаешься? – И снова первый. – Сейчас войдёшь, а там сразу – ага, вот ещё одна старая дура, решила заняться самоудовлетворением, потому что других вариантов у неё нет и не будет. И какая-нибудь ссыкушка за прилавком будет, прятать кривую ухмылочку, глядя на тебя. Нет, не пойду». – Твёрдо решила она, но вместо этого протянула руку и открыла дверь. – «А если кто-нибудь увидит тебя здесь из знакомых? – Не сдавался первый голос. – Что ты скажешь, что зашла случайно? – Но тут же подключился второй. – Чёрт, ну что за дурь лезет в голову? Зашла и зашла, кому какое дело. Не понравится, развернёшься и уйдёшь». – Сразу за дверью оказался маленький предбанничек. Она ещё раз остановилась, но тут же одёрнула себя и решительно вошла в магазин. Открывшееся, полуподвальное помещение оказалось совсем не таким, как она ожидала. Во-первых, магазин оказался абсолютно пустым, в нём не было ни одного посетителя. Да и продавца-то заметишь не сразу. Где-то в углу, за прилавком, примостилась непрезентабельная тётушка. Она без всякого интереса, взглянула на вошедшую, и снова уткнулась в книгу на коленях, из-за чего, над прилавком, оставались видны лишь её плечи, и склонённая голова. Во-вторых, было видно, что лучшие времена магазина давно миновали, ни блеска, ни шарма, ни ощущения чего-то маняще-запретного, не наблюдалось и в помине. Эротическое бельё на вешалках, возле которых она задержалась, не то что эротических фантазий не

вызывало, а скорее наоборот, угнетало их напрочь, и в лучшем случае было пригодно, для карнавально-маскарадного кривляния, а не для секса. – «Убожество какое... – с удивлением подумала она. – А я что говорил? – Ожил скептический голос. – Пошли отсюда...» – Но тут она увидела витрины вдоль стен с разнообразными приспособлениями, назначение которых угадывалось не сразу, и это было уже интересно. – «Постой, постой, не торопись». – Ожил и второй голос. Она украдкой посмотрела на продавщицу, не наблюдает ли она за ней. И увидев, всё те же плечи и затылок, медленно двинулась вдоль одной из витрин – «Хорошо, что никого нет, и продавщица молодец, не мешается». – Внизу живота начало появляться какое-то приятное томление. – «Правильно, что зашла, Глаза разбегаются: колечки, насадки, помпы в виде груш с трубочками, интересно. Знать бы ещё для чего это всё, точнее для каких частей тела. И что из них для наружного, а что для внутреннего применения? Ну что позвать продавщицу, пусть расскажет?». – Только она остановилась в нерешительности, как её взгляд упал на следующую витрину с искусственными фаллосами. – «Боже мой...» – У неё перехватило дух, от приятного возбуждения. – «Вот это точно для внутреннего применения...» – Она начала движение вдоль заинтересовавшей её витрины, с удовольствием отмечая огромное разнообразие ассортимента. – «Ну вот, с этого надо было и начинать, а то повешали всякую ерунду при входе, чуть не ушла. Ох...» – Она остановилась перед огром-

ным чёрным членом, с ужасом и восхищением представляя его в деле.

– Не советую. – Вдруг, раздался знакомый голос, у самого её уха.

Виктория вздрогнула, покраснела и обернулась в нехорошем предчувствии – точно, рядом с ней стояла Волкова, и тоже смотрела на гигантский чёрный фаллос. Сказать, что Виктория была шокирована, это не сказать ничего, не просто шокирована, а раздавлена, и деморализована, с единственным желанием – провалиться сквозь землю.

– Вот. – Не поворачиваясь к ней, указала Светлана на один из фаллоимитаторов. – Этот, то что надо, и размер нормальный, и очень качественно сделан. Он силиконовый, с каким-то правильным покрытием, и от этого очень приятный на ощупь. Плюс несколько режимов работы, с этим сами разберётесь. Ещё один плюс – он мягкий, в отличии вот от этого. – Она указала на соседний, красный. – Этот резиновый, поэтому твёрже, а самые твёрдые – пластмассовые, эти вот например. – И она указала на следующую группу искусственных фаллосов. – Но в данном случае пресловутая твёрдость, как это ни странно, совсем не требуется...

Викторию немного отпустило, она поняла, что Волкова не собирается насмеяться над ней, наоборот, она очень подробно и, можно сказать, с глубоким знанием темы, стала объяснять плюсы и минусы фаллоимитаторов на витрине. Через некоторое время Виктория, даже увлеклась рассказом,

и стала слушать с большИм вниманием к нюансам. А под конец и вовсе, не удержалась от смелой реплики.

– При таком знании всех деталей, возникает мысль, что не только у меня не задалось с крепким отставником, да?

Волкова беззлобно улыбнулась:

– Это точно – не только у вас.

«Какая перемена... Нормальная, приятная женщина. – Искусствовед с удивлением рассматривала Светлану, замечая то, на что не обратила внимания прежде, во время разговора в офисе фонда. – Как интересно... С первого взгляда не красавица... Совсем не красавица, да ещё этот прямой взгляд, который легко принять за наглость. Вдобавок твердый, не по-женски, уверенный подбородок, который она чуть задирает вверх, вместе со всей головой, отчего всё время смотрит на тебя, сверху вниз. С такой, неприятно встречаться глазами, она не отведёт свой взгляд в сторону, наоборот, скептически оценит, да ещё и выразит своё мнение о тебе, иронично поджав губы. И держится так, словно всё время готова к стычке – неприятная. Вот первое впечатление, которое она производит. А второе? – Виктория с любопытством рассматривала Светлану, открывая её заново. – Яркая брюнетка, с чёрными выразительными глазами, выющимися волосами до плеч, откинутыми назад, которые правильно оттеняют глаза, и одновременно делают лицо открытым и привлекательным. Дальше ещё интереснее, на лбу над правой бровью, обнаруживается небольшой шрам, который она

не прячет. И это тоже странно, обычно женщины стараются скрыть такие отметки, ну хотя бы чёлкой, а эта нет. Не боится. С другой стороны, чего ей бояться? Шрам совсем не портит её, как впрочем, не портят, и маленькие морщинки на лбу и у глаз, скорее наоборот, добавляют какой-то еле уловимый мужественный шарм. Мужественный? Да, мужественной. А женщине подходит это определение? Чаще нет... А вот ей подходит, и делает интересной. Да, интересной и привлекательной.

Тем временем они, незаметно для себя, выбрали покупку, расплатились на кассе, и оказались на улице.

– Ну что Виктория Александровна. – Предложила Волкова. – Не посидеть ли нам, вон в том кафе, за чашечкой кофе? Я, всё-таки, хочу дослушать про роковые совпадения в жизни Лермонтова и Врубеля...

Кафе, через пять минут.

После того, как они расположились, за столиком, сделали заказ, и перед ними появились чашечки с кофе, а также пузатый чайничек с чаем и тарелочки с пирожными – Виктория продолжила ровно с того места, где её прервала Волкова.

– Итак, Врубель родился в 1856-м году, в год издания поэмы Лермонтова «Демон».

– Что значит в год издания? 1856 год, это пятнадцать лет после смерти Лермонтова, так ведь?

– Да, верно, через пятнадцать лет после гибели в 1841-м году.

– Почему поэма не была издана при его жизни?

– Потому что, во-первых – постоянно дописывалась и переписывалась, а во-вторых – существовал цензурный запрет на печать Демона.

– Даже так?

– Ну не совсем так, конечно. В то время цензура была не в головах, как сейчас, когда журналисты сами понимают, за что может достаться изданию и не трогают острые темы – цензура была важным ведомством, без разрешения которого не могло быть напечатано ни одно произведение. По исследованиям разных историков и литературоведов, перед тем как отдать Демона в Цензурный комитет, Лермонтов передал его для прочтения, кому-то из царской семьи. Эта версия получила подтверждение, после того, как нашли запись в дневнике императрицы Александры Фёдоровны от 9 февраля 1839 года, в которой упоминалось о прочтении Демона. Таким негласным одобрением сверху, естественно, не преминули воспользоваться Лермонтов и его друзья, и отдали рукопись на цензуру. Где конечно узнали о высочайшем прочтении, и с небольшими купюрами выдали рукопись обратно, с разрешением. Тут, опять же, не всё так просто. Мы можем судить о разрешении, не потому, что существует, какой-то документ разрешающий печать, а на основании того, что в записях цензурного Комитета не зафиксирован запрет.

– А он обязательно должен был быть?

– Да, запрет всегда фиксировался письменно.

– Почему же тогда поэму не напечатали?

– Неизвестно. Возможно, правки были столь значительны, что поэт сам не захотел печатать в таком виде. А скорее то, что в это время в цензурном ведомстве произошёл скандал, с последующими кадровыми отставками. После чего последовало ужесточение, и к цензуре светской, добавилась цензура духовная, и, скорее всего, появилось требование повторно нести поэму ещё и туда.

– Ооо, понятно, а так как демон существо, противопоставляющее себя Богу, и в поэме много наездов на христианские ценности...

– То Лермонтов мог и не пытаться пройти духовную цензуру. – закончила мысль Виктория.

– Мда. Интересно, как всё возвращается. А если бы сейчас дать почитать Демона православным активистам? Особенно сцену соблазнения монашки...

– Молчите. – Виктория толи в за правду, толи в шутку покосилась по сторонам. – Не подсказывайте им что делать.

– Пожалуй. – Согласилась Светлана. – А вы думаете, они по своей инициативе насакивают на выставки и музеи? Я что-то не слышала, чтобы верующих заботила коррупция, и нещадное разворовывание бюджета. Проблемы здравоохранения и образования, которые под видом реформирования, лишают нормального финансирования, верующих тоже не

трогают. Ни одного слова против этого, а вот пара рисунков на выставке или пьеса в театре, прямо выворачивает их наизнанку от злобы. Это странно...

– Да странно, согласна, но что делать – такие времена. – Искусствовед помолчала и, неожиданно, продолжила более оптимистично. – Но осталось недолго, сейчас 2016-й год, а в 2018-м произойдёт очередная смена правящего класса, правильнее было бы назвать это – смена элит, но элитами называть нынешнее руководство язык не поворачивается.

– Ого. – Светлана с интересом посмотрела на женщину напротив. – «Ничего себе. Я в ней ошиблась? Рыхлая, неинтересная... а вон куда вырулил разговор».

– Давайте с этого места поподробнее.

– Вы слышали что-нибудь о проклятии Лермонтова?

– Нет, а что это?

– В узких кругах, это широко известный факт. Лермонтов родился в 1814-м году, а через сто лет в 1914-м началась первая мировая война. Лермонтов погиб в 1841 году, и через сто лет в 1941-м...

– Началась вторая мировая? – Подхватила Светлана. – Но ведь это не так, вторая мировая началась в 1939-м. Нет?

– Да, Вторая мировая началась в 1939-м году, после вторжения Германии в Польшу, и объявления ей войны, со стороны Англии и Франции. В 1941 году в войну была втянута Россия, называвшаяся тогда Советским Союзом, после нападения на неё Германии. Мы ведь про Россию с вами гово-

рим? Так вот в 1914 –м в мировую войну вступила Россия и в 1941-м, тоже в мировую войну вступила Россия.

– Хорошо, и что?

– А то... Что ещё через сто лет в 2014-м, мы Россия, присоединили к себе Крым, и ввязались в конфликт на Украине, противопоставив себя всей остальной Европе, а заодно и США. После чего в 2015-м мы уже, не в виде неведомых зелёных человечков, а в виде вполне официальных вооружённых сил, выступили в защиту Асада в Сирии, противопоставив себя, уже в военном плане, странам НАТО...

– Вы хотите сказать, что мы на пороге третьей мировой?

– Нет, я хочу сказать, что мы уже участники третьей мировой...

– Типун вам на язык. Какая третья мировая? Крым наш, да и Украина тоже, причём здесь противопоставили? Сирия да, соглашусь, это какая-то дурь и надеюсь скоро закончится...

– Я ни на чём не настаиваю. – Перебила Виктория. – И уж тем более не принимаю чью-то сторону. Поэтому не будем ввязываться в политическую дискуссию. Я просто фиксирую начало серьёзных событий в указанные даты. Знаете как отнеслись люди к началу военных действий в далёком 1914-м? С большим воодушевлением, между прочим. Все со всех сторон считали, что они находятся на стороне добра, и скоро победят. Все участники: и Германия, и Австро-Венгрия, и Англия с Францией, и конечно Россия, считали, что война

не продлиться дольше трёх четырёх месяцев. И что?

– Четыре года войны, миллионы трупов, и развал большинства империй. Но о какой справедливости шла речь для России?

– Россия считала агрессию Австро-Венгрии против Сербии, несправедливостью, а Сербию, как и все Балканы, своей зоной интересов. И всё российское общество воспринимало начало войны, не как что-то кровопролитно-ужасное, а как наведение порядка и восстановление справедливости. И чем кончилось? Развалом, голодом и сменой правящего слоя.

– Ну хорошо, итоги первой мировой такие, как вы говорите, а итоги Второй мировой? Вторая мировая, или Великая Отечественная, закончилась нашей победой и расширением сферы влияния для Советского Союза – никакого развала не произошло.

– Да, только посмотрите, что стало потом с этой «сферой влияния». Именно страны Восточной Европы, уж молчу о Прибалтике, сейчас настроены по отношению к России наиболее враждебно. Пока были силы удерживать эту самую «Сферу влияния» – удерживали. Только толку что? Не сила была нужна, а взаимная выгода. Вот и сейчас тоже самое. Вместо того, чтобы предложить что-то выгодное Украине, мы предлагаем силу и шантаж.

– А по-моему, как раз наоборот. Это Украина, всё время перекрывала наш газ в Европу...

– Ваш газ? Вы сильно ошибаетесь, никакого отношения к

газу ни вы, ни я не имеем. Газ их. – Она показала глазами вверх. – А не наш. Знаете, сколько стоит подключить дом к газу?

– Да, знаю – 700 000 рублей.

– А сколько стоит в Европе или в Канаде, например?

– Нет, не знаю.

– Бесплатно. Только попросите, приедут и всё подключат бесплатно. Но зато приобретут в вас постоянного потребителя.

Они помолчали.

– Давайте вернёмся к Лермонтову. Почему выбран шаг в сто лет? Только из-за совпадения с началом двух войн?

– Да, из-за этого. Конечно, делались и делаются попытки привязывать другие юбилейные даты внутри этого столетнего шага. Например, 150-летие со дня смерти 1841 + 150 = 1991 год.

– Ого.

– Да совпадает, опять развал империи и смена правящего класса.

– А сто пятьдесят лет от даты рождения, с чем совпадает?

– $1810 + 150 = 1960$ год.

– И что было в этом году? Неужели Карибский кризис?

– Нет, Карибский кризис был позже в 1962-м, 60-й в этом смысле ничем не отметился.

– Жаль. Хотя если бы и совпало, то что? Мне кажется это всё притянуто за уши. Смотрите – у нас с вами совпали две

войны и 1991-й год. А остальное? Остальное мимо, и главная веха в смене строя в России – 1917-й год почему-то пропущен. Почему?

– Не знаю. – Виктория отодвинула пустую чашку кофе, и налила себе чай. – Мы с вами отклонились от темы выставки, и того на что я хотела обратить внимание. Это я рассказала о проклятии Лермонтова, но при чём здесь Врубель?

– Да, действительно. Я и забыла про Врубеля. – Светлана тоже налила себе чай, и с интересом ждала продолжения.

– Так как они оба были одержимы Демоном, и через это, скорее всего, прикоснулись к каким-то тайнам мироздания, то важные даты их жизни должны быть связаны.

– В каком смысле связаны? Как в плохом сериале, когда в конце выясняется, что все между собой внебрачные дети?

– Нет, не в родственном, а в математическом, например – Лермонтов прожил 27 лет, а Врубель 54, это дважды по двадцать семь. И если мы возьмём за шаг не круглую цифру с потолка, а например цифру 27-мь, и начнём прибавлять её к дате смерти Врубеля, то вот что получится: $1910 + 27 = 1937$ год. Год начала репрессий, и смена Ленинской элиты на Сталинскую. Прибавляем ещё $1937 + 27 = 1964$ год. Это конец, так называемой оттепели, и смена Хрущёвской и остатков сталинской элит, на Брежневскую. Дальше? Пожалуйста – $1964 + 27 = 1991$ год, тут и говорить не о чём – смена строя и конец коммунистической номенклатурной элиты.

– Ого.

– Вот именно. Пока всё убедительно? Тогда считаем дальше – $1991 + 27 = 2018$ год. – Виктория сделала паузу, и спросила. – Понятно теперь почему я считаю, что через два года предстоит очередная смена элиты.

– Да понятно, но при чём, здесь выставка и пропавшая Кашина? – Попыталась вырлиться на твёрдую почву Светлана.

– А вот при чём. – Виктория откусила пирожное и запила чаем. – Есть легенда, что если собрать все рисунки Врубеля, связанные с Демоном, и сложить их определённым образом вместе, то получится его истинный портрет, посредством которого, с ним можно вступить в контакт.

– С кем, с Демоном?

– Ну да. И Лермонтов и Врубель ведь сделали это, почему бы кому-то не повторить?

– Допустим, а зачем?

– Как зачем? Власть. Тот, кто сумеет вызвать Демона, получит власть, славу, богатство. – Говорила Виктория, уплетая очередное пирожное. – Но, есть одно но. – Она подняла голову на Волкову. – Демона можно вызвать, но вот что он будет делать на самом деле, большой вопрос.

– А что он может делать? – Спросила Волкова на автомате, понимая, что говорит с ненормальным человеком, и ей стало скучно.

– Что он будет делать не знаю, но скорее, всего в нашей стране начнётся очередная смута.

– Ну так не проводите выставку, и не собирайте рисунки.

– Я это с самого начала говорю, но Любовь Павловна меня не слушала. А теперь поняла.

– Что поняла?

– Что Кашина нашла рисунок и хочет вызвать Демона сама, а возможно уже и вызвала.

– А я вам зачем? – Совсем скучным тоном уточнила Волкова.

– Найти её и отобрать рисунок, а если зверь уже здесь, то убить его.

– Кого? Какого зверя?

– Кашину, конечно. Демон не имеет плоти, и явиться сюда может, только с помощью чьего-то тела. Так что человек, в которого вселяется Демон, перестаёт быть человеком, и становится зверем.

«Всё ясно, они всё-таки психи. – Тяжело вздохнула Светлана про себя».

– Вы говорите об убийстве человека?

– Если всё так, как я говорю, то Кашина уже не человек.

– А если не так, как вы говорите? Вы представляете, что такое убить человека? – Глядя на Викторию, которая спокойно ест пирожные и говорит об убийстве, Светлана окончательно поняла, что связалась с психами. – «А что делать с деньгами?»

– Скорее всего, Кашина уже не человек, а зверь. А вы и есть охотник на опасных зверей, так что задание, как раз по вашему профилю.

«Что она там бубнит? – Уже не слушала её Светлана. – Да не важно, пусть бубнит. Мне-то что делать? Вернуть деньги? Наверное. Жаль... А может повалять дурака вместе с ними? Сделать вид что ищу Кашину и рисунок, и под это дело освоить деньги... Нет?» – Ей, вдруг, стало противно, сидеть с этой дурёхой за одним столом. И она отчётливо поняла, что ничего она делать не будет». – Да.

– Что да? Убьёте её?

– Я завтра верну деньги Шаховой. Вот что да. – Увидев удивление в глазах собеседницы, продолжила. – Почему? Потому что с психами, лучше не иметь никаких дел.

Виктория, что-то ещё говорила в ответ, но Волкова больше её не слушала, она подозвала официантку, расплатилась и, не прощаясь, ушла из кафе.

Через 10 минут в машине. Волкова.

«Ну и что это было? – Спрашивала себя Светлана в десятый раз. – Ну не шутка же? Они что, в серьёз предлагали мне убить человека? Формально нет. Формальное задание найти рисунок. А почему формальное, кстати? Поставили задачу, выдали аванс... Ставил задачу кто? Шахова. Аванс выплатил кто? Шахова. Причём здесь эта дурра-искусствовед? Мало ли что она там нагородила? Задача найти рисунок? Ну, так и ищи. Так? Нет, не так. Чего ты себя уговариваешь? Деньги жалко отдавать? Ещё бы, конечно жалко, берёшь-то чу-

жие, а отдаёшь всегда свои. Ну, эти ещё не твои. А почему ты поверила этой чокнутой искусствоведше? А вот поверила. – Она потеряла переносицу. – Поверила потому, что это всё объясняет, все недомолвки – всё. И хватит, не хочу больше думать об этом. Завтра отдам деньги и всё. Слава богу, есть чем заняться. Так, сейчас позвонить Ольге, что еду к ней за вещами, потом в журнал. Нет, неохота в журнал. Завтра позвоню. Всё завтра. – Вздохнула и потянулась к телефону, но вдруг остановилась от возникшего в голове вопроса. – А у тебя есть это завтра? Ну вот опять... Возьму и прямо сейчас всё узнаю. – Она открыла сумку и вместо телефона, достала конверт, но снова остановилась на полпути. – В том-то и дело, что пока ты его не открыла – «завтра» есть, а вот как откроешь – может уже и не быть».

Она решительно убрала злосчастный конверт в сумку и, выудив оттуда телефон, позвонила Ольге – недоступна. – «Вот сука, а... Сто раз предупредила, что приеду сегодня. И что делать? Так поехать к ней, без звонка? Нет, нельзя, застукаю ещё с кем-нибудь, как прошлый раз – будет совсем пиздец. В таком настроении, могу и устроить что-нибудь». – Набрала СМСку, «Мы же договаривались, что я заберу вещи сегодня...» больше ничего путного придумать не смогла и отправила так. Подумала немного, и отправила ещё одну вдогон. «Завтра уйду рано, по делам, можешь привезти мои вещи сама и забрать свои, сумка стоит в коридоре, ключи оставь на столике в прихожей, дверь просто захлоп-

ни». – С удивлением прислушалась к себе. – «Так просто, да? «Оставь ключи», и даже сердце не дёрнулось, почему интересно? Стоп-стоп, что за психоанализ опять? Расстались и расстались, и пошла к чёрту».

Вдруг ожил её телефон. – «Бог ты мой перезванивает»? – Светлана посмотрела на вызов, но вместо имени Ольга высветилось Вадим.

– Да, Вадим, привет.

– Привет привет. Чем занимаешься?

– Да, в общем-то ничем, так что ты вовремя.

– Отлично. Мне нужен проводник, для группы.

– Поняла уже. Куда?

– По второму маршруту на Урале.

– Ого, на медведя?

– Да.

– Сколько человек в группе?

– Двое.

– Отлично. С опытом без?

– Средне.

– Понятно. Давай, согласна, с удовольствием прогуляюсь.

Когда?

– Через неделю вылет. Билеты уже есть...

«Отлично. – Она удовлетворённо втянула носом воздух и шумно выдохнула. – Ну вот, жизнь-то налаживается... Всё прекрасно разрешилось само собой. Завтра отдаю деньги, и забываю обо всей этой мурне. Послезавтра, нет, тоже зав-

тра решить все вопросы с журналом. Послезавтра встретиться с Вадимом, точно обговорить задачу, потом встретиться с охотниками и провести инструктаж на поездку, а заодно оценить их способности, опыт и вменяемость. И если всё в порядке, как раз остаётся пара дней на то, чтобы собраться самой. Отлично. Сейчас что?— Она посмотрела на часы. — Как раз заскочить в магазин, купить что-нибудь на утро, и спать».

Следующий день.

Светлана встала в прекрасном настроении, умылась, сделала лёгкую гимнастику, приняла душ, сварила кофе, разбила два яйца на сковородку и проверила телефон. Телефон сигнализировал о пропущенном вызове. Посмотрела кто это — Ольга. И СМС от неё. «Приеду в 11-00». Автоматически кинула взгляд на часы — девять. «Отлично, успею уехать». — Встретаться с ней не хотелось. — Надо позвонить предупредить Шахову? — Она подумала секунду. — Да, надо. — Нашла номер и отправила вызов. — «Абонент недоступен». — Да что вы там все сговорились что ли? Так приеду». — Она доела завтрак и побежала собираться, пока не пришла Ольга.

В 11-15 она подъехала к офису фонда «Культурное наследие» и принялась искать парковку. — Хрен, ни одной дырки поблизости. Суки, ну и что изменилось? Пробок стало меньше? Ещё раз Хрен, не стало. Парковаться стало легче? В тре-

тый раз хрен, не стало легче. Всё осталось, как было, только сузили проезжую часть своими грёбаными велодорожками, да деньги стали брать. – Она покрутила головой, не едет ли где-нибудь поблизости Собянин на велосипеде. – Четвёртый раз хрен: ни Собянин, ни фиганин, и ни одного грёбанного велосипедиста вокруг. Ну а мне что делать? – Плюнула и въехала на тротуар, на котором уже стояли такие же собратья по несчастью. – И пусть только попробуют эвакуировать, устрою какой-нибудь теракт – взорву велосипедную дорожку например...

С этими мыслями, она вышла из машины, но прежде чем подняться, ещё раз набрала Шаховой – недоступна. – «Сама виновата, получит сюрприз».

Решительно прошла холл на первом этаже, кивнув кому-то в форме охраны – Я в фонд Культуры. – Поднялась на 22-й этаж и позвонила в домофон перед входом в офис. Щёлкнул замок и она вошла внутрь. Сразу за дверью была небольшая стойка ресепшн, с миленькой девочкой за ней.

– Я к Шаховой. – Подошла к ней Светлана, рассчитывая быстренько закруглиться.

– К Шаховой? Её мм,.. Она мм... Её нет в офисе... – Вдруг смутилась и даже растерялась девушка.

– «Блять» – чуть не вырвалось у Светланы – Как с ней связаться? Она мне нужна срочно.

Вместо ответа девушка только растерянно хлопала глазами.

– Ну, что? Говорите.

– Она погибла вчера...

– Чтооооо?

– Вчера вечером звонили из милиции, она попала в автомобильную аварию... Её уже опознали...

– Ёб твою мать... – вырвалось у Светланы уже в слух. – И что делать?

– Не знаю... – Девушка всё так же растерянно, хлопала глазами.

– Мне нужно было вернуть ей деньги. Она вчера выдала мне аванс... – На автомате скороговоркой проговорила Светлана, не до конца осознав, новость о гибели Шаховой. – Как это случилось?

– Я ничего не знаю.

– Кто ещё есть в офисе из руководства?

– Никого.

– А кому мне вернуть деньги?

– Не знаю, может быть Леониду Сергеевичу? Но его тоже сейчас нет, он, наверное, занят похоронами. – Еле договорила девушка, с трудом удерживая слёзы.

– Да, конечно. Я сочувствую, да. И приду позже.

Она вышла из офиса, спустилась на лифте вниз, и лишь в машине до конца поняла, что случилось. Шахова погибла, умерла, её больше нет... Ужас какой, вчера я считала её чокнутой, а сегодня вон как повернулось. Жаль, искренне жаль. И что делать? Виктории позвонить? Она-то в курсе уже или

нет? – Светлана нашла её номер, записанный вчера на бумажке и отправила вызов. Раз гудок, два гудок, три, четыре, пять. – Ну бери уже бери... Или ты тоже организовываешь похороны?

– Алё. – Наконец отозвался какой-то странный голос.

«Что-то я её не узнаю.. – пронеслось в голове у Светланы».

– Виктория Александровна?

– Нет, это её мама.

– Извините, а можно Викторию?

– Нет... – Раздались какие-то хлюпающие звуки, треск и уже новый женский голос. – Слушаю вас.

– Мне нужна Виктория Александровна, я...

– Она умерла сегодня. Извините...

– Как умерла? От чего?

– Короткое замыкание. Извините, пожалуйста, вы её знакомая? Перезвоните чуть позже, мне надо помочь её маме, ей плохо... – и положила трубку.

Волкова с ужасом смотрела на трубку. – «Что происходит? Как умерла? Какое короткое замыкание? Вибратор закоротило что ли? Чувшь какая. А мне-то что теперь делать?»

Её размышления прервал очередной звонок, она даже вздрогнула. Посмотрела кто, но на экране высветились только цифры. – «Кто бы это?»

– Слушаю.

– Это Светлана Сергеевна?

– Да, слушаю, кто это?

– Это Рейнер Леонид Сергеевич. Мне позвонила секретарь, что вы приходили к Шаховой с каким-то вопросом и про какие-то деньги говорила. О чём речь?

– Какая секретарша? – Начала тянуть время Волкова, прекрасно понимая какая.

– Я президент фонда «Культурное наследие», вы только что были у нас. Шахова погибла, и я не в курсе, что она вам поручила.

«Во, как. – Светлана напружинилась, словно перед прыжком в воду».

– Она поручила мне организовать охотничий тур на Урал, но в заданные ею сроки, мы уже не успеваем, поэтому я и пришла, чтобы согласовать другие даты или отменить...

– Понятно, странно что я ничего не знал об этом... Ну да чего уж теперь. Ясно, что всё отменяется. – Он вздохнул. – О какой сумме идёт речь?

Светлана напружинилась ещё больше, чувствуя, как адреналин обострил все чувства, и прыгнула:

– Тысяча долларов, и боюсь вернуть я смогу только половину, на остальные уже заказаны продукты и оборудование.

– Не стоит беспокоиться, оплатите все расходы и бог с ним. Всего доброго. – и повесил трубку.

«Фууу... – Светлана шумно выдохнула и посмотрела вокруг. – На лобовое стекло стали падать маленькие капельки, начинающегося дождя, прохожие достали зонтики. Ничего не случилось. Всё идёт как обычно. Мир не перевернулся. –

Что ты натворила? Зачем наврала? А если выяснят, что аванс совсем не тысяча, а десять, Да ещё три на расходы? – Она подумала секунду. – Ну и что? Если они провели это по бухгалтерии, и мне перезвонит этот президент, с упрёком – что ж вы мне наврала? Что мне мешает сказать, что я работаю? Задание получено и я работаю, в чём проблема? Да, параллельно была заявка на охотничий тур, и что? – Она ещё раз покрутила в голове обе мысли, и не нашла изъяна. – Правильно всё сказала. Да и президент-то сам чего? Допустим не в курсе того, что делала Шахова, что, кстати, странно, но допустим. Почему он не позвонил в бухгалтерию и не выяснил, какие такие деньги и за что, отдали какой-то Волковой? Зачем мне звонить и спрашивать? Только в одном случае – если он не может это выяснить. Ну и отлично. Пусть сами разбираются, и со своим бардаком, и со своей бухгалтерии, мне это точно не нужно. Всё – спокойно жду, как развиваются события, и если всё тихо, то считаю эти деньги подарком свыше. Им они точно уже не нужны, тем более Шаховой, а вот мне – ой как пригодятся».

Она завела машину, и аккуратно вырулив с тротуара, поехала домой. Только возле дома вспомнила про журнал. – Чёрт, рядом ведь было. – Посмотрела на часы 13-30. – Интересно была Ольга или нет? – Поднимусь, посмотрю, перекушу чего-нибудь и поеду в журнал.

Дождик всё усиливался, а зонт она не взяла, поэтому прежде чем бежать к подъезду, открыла багажник и выудила

оттуда жёлтый дождевик. – Вот и пригодился. – Удовлетворённо подумала она, накинула его на плечи, и легко перескакивая через лужи, юркнула в подъезд. Увидев консьержку, спросила:

– Ко мне приходил кто-нибудь?

– Да, ваша знакомая. Недавно пришла, вы её застанете.

«Блять, как неохота. – Она вздохнула, и нажала кнопку своего этажа в лифте. – Может, разминёмся? А если нет? Тогда что, переждать где-нибудь на этаже – пусть уйдёт? Да, так и сделаю, поднимусь, и, не выходя из лифта, сразу спущусь, в машине посижу пока не уйдёт».

Лифт открылся, и прямо перед его дверями стояла Ольга с сумкой в руке. – «Не получилось увернуться...» – Светлана вышла. Несколько секунд они стояли и, молча, смотрели друг на друга. «Нужно это как-то заканчивать. – Подумала Волкова».

– Там дождь сильный, на-ка накинь. – Она сняла свой дождевик и набросила на плечи бывшей подруге.

– Спасибо, я верну потом.

– Не нужно.

– Ну, всё пока. Ключи на столе. – Говорила Ольга, но не двигалась, как будто ожидала чего-то.

– Хорошо, пока. – Светлана прошла мимо и стала открывать дверь, буквально физически, ощущая её взгляд в спину и желание ещё раз всё обсудить, но не дала ей такой возможности. Быстро вошла в квартиру, и плотно закрыла за

собой дверь. «Нечего больше обсуждать, до свидания, а вернее прощай – Она прислонилась спиной к двери и прислушалась, что происходит с другой стороны – Если позвонит, то что делать? Пустить? Нет, только не это, слушать в сто первый раз, что это случайность, что всё можно исправить, выше моих сил». Наконец она услышала, как закрылись двери лифта и он поехал вниз. – Отлично. – Светлана, удовлетворённо скинула туфли, и подошла к окну. Через две-три минуты увидела, как Ольга в её жёлтом дождевике, вышла из подъезда и начала переходить дорогу к своей машине. В которой, кстати, открылась дверь, и с водительского места, вышла женская фигура. – Опа, да ты с сопровождением, оказывается. Ну вот и хорошо, а то я уже начала переживать за тебя, и чуть не пригласила. Что бы я услышала, на это?» – Но ответить себе она не успела. Неподалёку от Ольги, вдруг тронулась машина и, резко ускорившись, ударила её капотом, из-за чего девушка перелетела через неё и упала на дорогу. Светлане даже показалось, что она услышала звук удара, и хруст ломающихся костей. Ни затормозить, ни попытаться объехать, машина не сделала, наоборот, не сбавляя скорости, она быстро понеслась дальше по улице.

Но этого Светлана уже не видела, она лишь с ужасом смотрела на распластавшуюся, на мокром асфальте женскую фигуру в, сбившемся набок, жёлтом дождевике. «Подкинула её, как куклу. – Пронеслось у неё в голове. – Она нарочно её сбила, нарочно...» Светлана сорвалась с места и кинулась на

улицу.

Через пять дней на своей кухне. Светлана.

Она сидела на своей маленькой кухне, за столиком возле окна, с большой чашкой чая рядом. За окном всё также моросил дождь. – «Какой дождливый август... Лет пять такого не было, наверное. Да и май был такой же. Огородникам лафа... Как там говорил дед? «Пара дождичков в маЮ и агрономИя по хуЮ?»» – Она обхватила чашку ладонями, чтобы согреть их, и улыбнулась. Первая улыбка за пять дней, после аварии и смерти Ольги, которые прошли, для неё, в каком-то, тягучем полу-тумане полузабытья.

Итак, что мы имеем?

Первое – Ольгу убили умышленно, это я видела собственными глазами. И ясно, что целью убийц была не она, а я. На страшный вопрос – зачем? Есть единственный ответ – я что-то узнала лишнее, и они подчищают хвосты. И отсюда, сразу же, следует второе, что Виктория и Шахова, тоже убиты, а значит, все три смерти имеют отношение к пропавшей Кашиной и к пропавшему, вместе с ней, рисунку Врубеля. Что же я такого узнала? – Она вздохнула, но это был вздох действия, а не упадка. Она, наконец, стала приходить в себя, после нескольких похорон и всего того, что на неё навалилось. – Первое, что я узнала, конечно то, что пропала Кашина. Ну и что? Это знаю не только я, это знают все, кто был

связан с ней по работе, да и полиция тоже. – Она pokrутила головой в поисках, какого-нибудь клочка бумаги, но не нашла. Поднялась и сходила к принтеру за листочком, а по дороге назад, где-то нашарила ручку. Пока бродила, всё думала: зачем мне ввязываться? Ну, пусть я, с ИХ точки зрения, стала чем-то опасна, ну и что? Взять, да и смотаться на Урал, и пусть попробуют там добраться до меня. Сейчас самый сезон. – Она вздохнула, представив охотничий лагерь, несколько домиков и баньку. – А если там ещё и девочка эта, как её звали-то? Лена? Да, Лена – окажется, то лучше и придумать нельзя... Отдохнуть там месяц другой, пока выставка не откроется, и всё не рассосётся, и всего делОв. Но уговорить себя не получилось. Внутри неё, кто-то дремучий и страшный, уже принял решение – выслежу и убью. И этот кто-то, уже начал управлять ситуацией. – Они думают, что им ЭТО сойдёт с рук? Думают, что это ОНИ охотники? Вот уж хрен... Здесь, вы дорогие мои, крепко ошибаетесь».

Она снова села за столик и записала.

1. Пропала Кашина.

Нужно:

– Съездить в журнал, где она работала и поговорить с сотрудниками о ней, тоже самое и с музеем Лермонтова. Выяснить, что она была за человек, и с кем общалась в последнее время.

Боже, зачем я это делаю? – Вдруг одёрнула она себя, в последней попытке остановиться. – Это дело полиции, а не

твоё. И кстати, почему ты не рассказала всё это полицейским? А что бы я им рассказала? Что три человека, связанных со мной, внезапно погибают от несчастного случая? По какой причине я смогу объяснить? Про Демонов им рассказать? Про украденный рисунок, который никто не видел? И что? В лучшем случае они пошлют меня на фиг. А в худшем? А в худшем, возьмутся именно за меня. Ольгу скажут, нарочно убила, из ревности. Стоп, стоп – Остановила она сама себя. – А Викторию с Шаховой, тоже из ревности? А кто сказал, что они убиты? Они вообще не причём – обе погибли в результате несчастного случая, а... А так ли это? Вот это хороший вопрос, запишем:

2. Выяснить подробности смерти Виктории и Шаховой.
Кое-что, она уже узнала на похоронах Виктории

Два дня назад, поминки Виктории.

Через два часа после начала поминок, когда обстановка немного смягчилась, и часть родственников и знакомых стали выходить из-за стола, чтобы размяться и покурить, к Светлане подседа, какая-то родственница.

– Вы знакомая Виктории?

– Да, мы недавно познакомились. Она готовила большую выставку, и меня как раз подключили ей в помощь. – Светлана говорила искренне, с большим чувством. Только вчера она была на похоронах Ольги, а тут сразу вторые. Поэтому

ей и притворяться не нужно было, тяжесть случившегося отражалась на всём её облике и, видимо, расположила к ней незнакомую родственницу. – Я до сих пор не могу прийти в себя от того, что её не стало, и не понимаю, как теперь справиться без неё.

– Это точно, она была очень хорошим человеком, и всегда всем помогала.

– Как она погибла? – Аккуратно спросила Светлана.

– Да вон... – Родственница показала на пустой крюк на потолке. – Полезла менять лампочку, и её ударило током. А при падении ударилась головой.

– Она одна была дома?

– Да, как нарочно. Зина, её мама, пошла в магазин... А когда вернулась, то уже... – Она отвернулась не в силах говорить без слёз...

– Понятно. – Сочувственно поддакнула Светлана, но про себя отметила, что свидетелей случившегося не было.

После этого разговора, она стала специально подходить к людям с сочувственными разговорами, по крупицам выуживая информацию. Следующим полезным собеседником оказался сосед по лестничной площадке – здоровенный, неряшливо одетый мужик.

– И чего она туда полезла, сама? – Спрашивал он у Светланы.

– Они одни жили с мамой?

– Да, одни. И вечно у них, что-то ломалось... Оно и по-

нятно, без мужика-то как в доме? – Пьяненко добавил он, привалившись к стене плечом для устойчивости. – То кран потечёт, то замок в двери заклинит... Сразу ко мне: «Дядя Лёша выручай» – Он попытался приосаниться, но потерял равновесие, и с трудом вернулся в устойчивое положение. – Нет проблем, я никогда не отказывал, соседи же... Тем более, всегда рюмочку нальют... и чего она сама полезла?

Светлана встряхнула головой, и снова оказалась в своей кухне.

Записываем:

– Выяснить подробности случившегося с Викторией. – «А как? Есть ли у меня знакомые, через которых можно выйти на ментов? – Она подумала. – Нужно спросить у Вадима, наверняка среди его клиентуры есть и менты. О, кстати, надо позвонить и узнать нашёл ли он мне замену для своей группы. – Она схватила было телефон, но остановилась. – Надо же, как мысли прыгают... Сосредоточься, вначале план действий, всё остальное потом. На чём я остановилась? А, да менты. Есть, конечно, ещё один вариант, но его бы не хотелось задействовать» – она подумала об Ирине, своей бывшей знакомой из пресс-службы МВД Москвы. – «Сколько уже прошло-то, как мы расстались? Лет пять? Не помню... Не пойдёт она меня? Может. И ещё вопрос работает ли она там до сих пор? Ладно, чего раньше времени дёргаться, спер-

ва Вадим. А что Вадим? Допустим, выведут на какого-нибудь мента, и что? Что я у него спрошу? Расскажите мне, как погибла Виктория? А зачем вам? – Тут же спросит он. – И что ответить? Что интересуюсь из праздного любопытства? Нет, они там не дураки. Так нельзя. Придётся звонить Ирине. А ей, как объяснить? – Она подумала несколько секунд, и решила, отложить этот вопрос «на подумать потом». – Давай дальше, а то сейчас опять отвлечёшься... Нужно описать все проблемы, потом расставить приоритеты, а потом уже обдумать каждый пункт. Так, что следующее? А следующая у нас Шахова. – Написала на листе пункт три:

3. Шахова».

Написала и остановилась.

«Ну и что писать дальше? Как бы всё. – Она смотрела на короткую надпись. – Мда. – Перевела взгляд на мокрое окно. – Даже на похороны попасть не получилось. Девочка на ресепшн, ответила, что не в курсе, ни когда, ни где будут проводиться. Странная закрытость. И что делать? Давай рассуждать. Раз я попала в число тех, кого хотели убить, то логично предположить, что преступником является кто-то из фонда «Культурное наследие». Получается, что сам факт нашей встречи, сильно кого-то напугал. Я ведь ничего не успела сделать. Более того собиралась отказаться, а они не знали об этом и поторопились. Потерпели бы один день, так и убивать бы никого не понадобилось. То, что я собралась отказаться, знала только Виктория, значит, круг её знакомых

можно исключить из подозреваемых. А это, в свою очередь, означает, что подозреваемых нужно искать среди знакомых Шаховой. Давай-ка вспоминай, как всё было:

Звонок от Шаховой застал меня, как раз тогда, когда я забирала повторные анализы из Боткинской. Звонила она сама и я держала конверт с результатами анализа в руках, поэтому и не открыла конверт сразу, отвлеклась на звонок. Вспоминай-вспоминай дальше, что она сказала? Что кто-то дал ей мой телефон. Кто же? Назвала какого-то знакомого... Вспомнила, она сказала, что от Ильдара. Ага, это тот, кому я Коровина нашла. И как это мне поможет? Никак. Это лишь объясняет, почему позвали меня. После того, как Кашина пропала, и они столкнулись с пофигизмом милиции, то начали искать человека способного им помочь. Раскинули сеть по знакомым, среди которых был, наверное, Ильдар. Он им меня, и посоветовал. Позвонить ему, для проверки, и спросить, как на него вышли? История с поиском Коровина, ведь не выплеснулась никуда, ни в кулуары, ни, тем более, в прессу. Как же они узнали про это? Впрочем, не имеет значения, тот, кто посоветовал обратиться к Ильдару, тоже не причём. Зачем было советовать меня, а потом так испугаться моего участия, что решиться на убийство? Да и скорость, с которой они управились с убийствами, говорит о том, что действовал не один человек. Ого. – Она ахнула, от такого умо- заключения. – Если это не один человек, а организация, да ещё такая, где по щелчку пальцев, отправляют на тот свет,

трёх человек, то с кем же я имею дело? И почему я жива до сих пор? Может быть потому, что четвёртый несчастный случай, уж точно станет подозрительным, даже для пофигистической полиции? Да, это возможно. А ещё может быть потому, что они наблюдают за мной, и пока я ничего такого опасного, для них не делаю.

Что из этого всего следует? Что нужно быть крайне осторожной. – Она хмыкнула про себя. – Это я как раз умею. Так, я опять отвлеклась».

Она вернулась к листочку с надписью Шахова.

«Мне нужен кто-то внутри фонда, кто сможет проинформировать меня о том, что там происходило и держать в курсе того, что происходит сейчас»

Записала:

Познакомиться с кем-то из рядовых сотрудников фонда «Культурное наследие». Как?

Написала и задумалась. – «Не очень понятно, ладно, тоже оставим на потом. Дальше что? Давай-ка ещё раз пробежимся по разговору, что такого опасного в нём прозвучало, что привело к таким ужасным последствиям? Да и кто мог узнать, о чём мы говорили? Разве что там был спрятан микрофон, и кто-то подслушал? Опять утыкаюсь в офис. Пропускаем, давай дальше. Разговора ведь было два, второй был после секс-шопа, и к нему я отнеслась крайне несерьёзно. Что там такого прозвучало? Что шаг в 27 лет совпадает со сменой элит в России? Ну и что? Разве за это убивают? Да

мало ли какие шаги с какими датами совпадают... Нет, этого не может быть. А кстати, если шаг в 27 лет имеет какой-то сакральный смысл, то он должен работать и в обратную сторону. А ну-ка проверим: $1910 - 27 = 1883$ и что? – Она опять поднялась и сходила за ноутбуком. Включила и вбила в поиск гугла дату – опа, в этот год прошла коронация Александра 3-го, что ознаменовало смену либерального курса, проводимого убитым предшественником, на укрепление самодержавия. Ого, подходит, а ещё: $1883 - 27 = 1856$ и что было в этом году? Как бы и ничего – Светлана разочарованно прокрутила события 1856 года. – Постойте-ка – Она перескочила на 1857-год. 3-го января 1857-го года была создана комиссия по решению крестьянского вопроса, то есть по вопросу отмены крепостного права. И это она уже создана была 3 января, на третий день после нового года. Ясно, что решение было принято в 1856-м году. Ну, допустим. Давай дальше... а чего там – давай возьмём круче. Какие вехи в истории мы знаем? Ну, например смута 1613 года, давай считать $1856 - 27 - 27 \dots 27 = 1613$ -й год – ни хрена себе... совпало. Получается, если 11 раз, из даты рождения Врубеля, вычтешь возраст Лермонтова, то мы попадаем в 1613-й год. А уж это веха так веха, не просто смена элит, а восшествие новой династии Романовых. Вот чёрт и что? Виктория была права, и шаг в 27 лет, действительно имеет значение? И тогда что, в 2018-м году, правда, сменится правящая прослойка? Ого. – Она ошарашено смотрела на цифры. – Постой,

постояй, а 1917-й как же? Он-то почему выпадает из этого ряда? А если взять половину от 27-ми – 13.5 и прибавить к 1910-му, что мы получим? Получим 1923-й год с копейками, год окончания гражданской войны и окончательное утверждение новой руководящей «элиты», пока ещё Ленинской. Допустим, но не из-за этого же, их убили? А из-за чего тогда, из-за рисунка? А почему нет? Он дорогой, кто-то его приметил, и что-то сделав, с Кашиной и владельцем завладел им. Потом, узнав, что фонд не намерен сидеть, сложа руки, а будет разбираться с этим, попытался обрубить все концы. Ну, как вариант, да годится. Тогда начинать нужно с Кашиной. Куда она ездила, с кем общалась, и прочее, и прочее. И попытаться найти место, где предположительно находился рисунок, и кто об этом знал. Ну и думать о своём человечке в фонде. Что там у них на сайте?»

Она задала поиск, и открыла сайт фонда «Культурное наследие. Нашла в меню кнопку «о фонде», и ткнула в неё. На экране открылся список сотрудников с фотографиями, должностями и краткими вехами в их биографии. Светлана с интересом стала просматривать его, медленно прокручивая вниз. – «Да у них тут не фонд, а гарем – одни девки, и все очень даже ничего. Как там звали президента? Леонид Сергеевич? Ну-ка посмотрим на тебя. – Она вернулась вверх списка на фотографию президента. – Да нет, мужик как мужик, типичный чиновник, а вон оказывается какой молодец, сколько девок себе набрал... – Она посчитала фотографии. –

Тринадцать, надо же, много Хотя, уже 12-ть, фото Шаховой ещё не убрали с сайта. Вот. – Она остановилась на фотографии симпатичной девушки с ресепшн, с которой она разговаривала. – Секретарь-референт и специалист по коммуникациям, в одном флаконе. Отлично, вот ты-то мне и нужна. Как же с тобой законтачить-то? Позвонить с каким-нибудь вопросом и... нет-нет, не так. Ладно, подумаю.

Следующий день редакция журнала АртХаус. Надежда Азарова.

– Ну и что нам делать? – Она смотрела на своего бухгалтера и понимала, что задаёт риторический вопрос.

– Не знаю. – бухгалтер дородная дама в возрасте, обречённо пожала плечами. – Денег не хватает даже на налоги, а уж на аренду и зарплату... – Она махнула рукой.

– А что реклама?

– Сейчас же август, какая реклама, от них и так-то каждый месяц всё меньше и меньше, а сейчас так и вообще.

– Мда, первое полугодие посчитали?

– Да, минус шестьдесят тысяч долларов.

– Почему так много?

– Во-первых вырос вменённый налог, во-вторых повысили торговый сбор, в третьих из-за перехода на упрощёнку нам вкатили штраф 1 миллион рублей, как раз на сумму предполагаемой экономии, в четвёртых...

– Понятно, все разговоры о снижении налогов, как обычно, заканчиваются ровно обратным – их увеличением. Ну, и что нам делать? У спонсора тоже проблемы с бизнесом, и деньги он нам перечисляет с большой неохотой... Этот год дотянем как-нибудь, а вот следующий... – Она вздохнула – Давай позовём рекламу, пусть расскажет нам, чего ждать осенью. – Она сняла трубку и нажала вызов. – Рима, зайди ко мне.

Пока ждали Риму, отвечающую у них, за маркетинг и рекламу, сидели и молча, смотрели друг на друга, понимая, что выхода нет. Что может сказать Рима? Доходам взяться неоткуда, нужно опять что-нибудь сократить. Хотя, куда уж дальше? И так сократили уже всё что можно, включая рекламный отдел, от которого осталась одна Рима. Подумать только, от большого рекламного отдела авторитетного издательства, остался один директор... А от самого издательства, что осталось? Один журнал и остался. Где книги, где буклеты, где открытки? Всё сократили и урезали, как убыточное. И что толку? Сокращения расходов всё равно не успевают за сокращением доходов. Не издательство, а тришкин кафтан...

Наконец вошла Рима, высокая, худая блондинистая женщина, тридцати с хвостиком лет, и села, аккуратно положив перед собой блокнот с ручкой.

«Всегда так делает, эдакая немецкая педантичность. – Надежда с тоской смотрела на свою сотрудницу. – Этим и понравилась десять лет назад, когда нанималась на работу.

Пришла на собеседование, стильная, молодая, деловая. Достала блокнот с ручкой и давай делать пометки во время разговора, прямо как настоящая бизнесвумен. А сейчас? Сейчас это раздражает – Ты мне результат давай, а не выпендривайся, и не строй из себя бизнесвуменшу. Какая ты на хрен бизнесвумен? Ты несчастная женщина с двумя детьми на руках и мужем пьяницей. И что ты будешь делать, когда мы закроемся?».

– Мы тут горюем, глядя на наше финансовое положение. – Начала Надежда, всё так же, глядя на Риму. – Что нам ждть от осени?

– Ничего хорошего, скорее всего, потеряем рекламу от галереи «Русский Век».

– Почему, и у них дела плохи? Хотя да, на последнем Антикварном Салоне они не участвовали.

– Не в этом дело. Дела у всех сейчас плохи, а у них ещё хуже. Против владельца завели уголовное дело.

– Вот блять. – С чувством вырвалось у Надежды, хотя ругаться она не любила принципиально. – На Ледева? За что?

– К нему в Галерею пришли два мужика, походили, посмотрели, кое к чему приценились, а перед уходом один из них ткнул пальцем в маленького Айвазовского, над его столом:

– Сколько стоит?

Ледев им:

– Нисколько. – Эта картина не продавалась, он её слиш-

ком дорого купил, под клиента, а клиент отказался. Сейчас за такие деньги и близко не продать, так и висела, в ожидании лучших времён.

Они не отстали:

– За 80 000 \$ отдадите? – Ледев ахнул про себя, он её, как раз за столько и купил, а сейчас был бы рад и за половину отдать. От радости брякнул – отдам. Мужики сказали, что с собой столько нет, только десять тысяч, но вечером принесут всю сумму, мол, подарок ищут. Достали десять тысяч долларов, дали ему в качестве задатка, а как только он взял, и пересчитал, тут же предъявили служебные корочки.

– Вот же суки а? – Надежда уже не сдерживалась в эмоциях, прекрасно представляя себе ситуацию, от которой не застрахован никто. – И что предъявили?

– Отсутствие кассового аппарата, валютные операции, и неуплату налогов за нерастаможенного Айвазовского. Он его на Сотбисе купил, и ввёз, оформив на себя, как для личного пользования.

– Понятно, и три года ещё не прошло?

– И три года ещё не прошло, и висел-то он не дома, а в галерее.

– Ну да, обман при оформлении на границе и соответственно неуплата НДС. Круто, попал. И что не сумел решить с ними вопрос на месте?

– Получается нет.

– Не похоже на них, они ведь за деньгами приходят в таких

случаях... Заказал что ли кто-то?

– Чего теперь гадать... Сейчас мы имеем уголовное дело.

– Да уж... – Протянула надежда. – И так хреново, так ещё и эти суки жить не дают. ПИлите бюджет бессовестно, ну так и пиЛИте его за Кремлёвской стеной... Чего к нам-то лезете? – Обратилась она, понятно к кому, как будто они могли её услышать. – Надо, быть осторожнее с этим. – Посмотрела она на бухгалтера. – Видишь, как они начали, тоже видать кормушка сужается, вот и окучивают всех подряд. Никакой валюты от незнакомых клиентов не брать, только рубли и только, пробивая чеки по кассе.

– Мы так и делаем. – Поддакнула бухгалтер и поёжилась.

– Рима, я тут смотрела конкурентов, у них полно рекламы от аукционных домов. А у нас, почему нет?

– У каких это конкурентов?

– Артинвестмент например.

– Тоже мне конкурент, сравнили. Это огромный интернет ресурс, у них посещаемость десять тысяч человек в день. А у нас что? Какой у нас тираж? – Она вопросительно посмотрела на Надежду, прекрасно зная ответ. – Тысяча журналов в месяц, из которых распространить удаётся пятьсот – семьсот. Нам с ними не тягаться. Аукционам нужна прямая отдача от рекламы, и быстро. Мы здесь ничего предложить не можем. Я вам, когда говорила, что надо развивать сайт...

– Так давай развивать, что для этого нужно?

– Я не специалист, не знаю. Да и что сайт? Артинвестмент

один такой, покажите мне аналог – нету. Все остальные в таком же жалком состоянии. Проспали мы интернет.

– И тем не менее, что то делать надо, а то закроюся на фиг. Подготовь мне записку с ожидаемыми приходами в осень. – Увидев протестующий жест Рима, остановила её. – В самом общем приближении, мне нужно что-то говорить на встрече со спонсором, когда пойду просить увеличение бюджета.

– Ладно, когда надо?

– До конца недели справишься?

– Да постараюсь.

Когда ушли бухгалтер и Рима, в открытую дверь заглянула секретарша.

– Надежда Викторовна, к вам посетительница.

– Кто это? Я что-то не помню никого.

– Волкова. Говорит, она вам звонила.

Надежда посмотрела в ежедневник и точно, увидела запись – Волкова, напротив 12-00

– Точно, я и забыла. Давно ждёт?

– С двенадцати и ждёт.

– Ого. – Надежда посмотрела на часы 12-45. – Пусть заходит.

Когда в кабинет вошла уверенная брюнетка лет сорока, Надежда встала ей навстречу с извинениями.

– Извините ради бога...

– Не стоит, я всё слышала. – Она села на предложенный

стул, напротив письменного стола Надежды. – И я могу вам помочь.

– В каком смысле? – Не поняла Надежда.

– Не вы одни в таком положении. Все бумажные журналы сейчас или закрываются или на грани закрытия. Тут всё ясно, интернет не перебороть. – Она замолчала.

– Я вас внимательно слушаю, хотя мне казалось, что вы по другому вопросу пришли, по поводу исчезновения Кашиной...

– Да, по поводу Кашиной. Вам звонила Шахова об этом.

– Да, звонила когда была... – Она не договорила «ещё жива», язык не повернулся.

– Я, например, плотно сотрудничаю с журналом «Охотничий сезон» и они нашли себе несколько дополнительных источников дохода, которые пока, позволяют им сводить концы с концами. Интересно? Рассказать?

– Ещё бы, и какие?

– Знаете ли вы о том, что в бюджетах министерств существуют гранты, на поддержку разных патриотических программ?

– Нет, а что это?

– Например, у Министерства Природных Ресурсов есть грант на поддержку вымирающих животных. Помните, Путин надевал на тигрицу ошейник с передатчиком?

– Да конечно, а ещё летал с аистами...

– Во-во-во, журнал «Охотничий сезон» придумал отсле-

живать ситуацию с тиграми в отдельном районе, по случайному совпадению в том самом, где Путин надевал ошейник, и освещать её в виде цикла статей на страницах журнала. Пошли с этим начинанием в министерство и получили грант в сумме три миллиона рублей.

– Еб твою мать... – Надежда окончательно потеряла остатки приличия. – Сколько?

– Три миллиона.

– За статьи?

– Да?

– Вот так просто, можно прийти и получить?

– Нет, совсем не просто. Конечно, пойти должен тот, кто знает все ходы выходы, а главное кому и сколько откатить. Ясно, что выделили гораздо больше, может пять, а может десять миллионов, это не важно, важно, что и им перепало неплохо.

– Ещё бы... Нам бы сейчас три миллиона... Только, что вы предлагаете? Начать писать про путинских аистов вместо выставок?

– Нет, зачем же. Вот, например, прошлый год был юбилейным годом Куликовской битвы. И если бы вы придумали цикл статей, о создании произведений искусств, с этим связанных... Кто там рисовал на эту тему? Верещагин свой «Апофеоз войны»?

– Это не совсем Куликовская битва...

– Не важно, я как пример. Так вот придумав, такой цикл, и

отдав его продвижение в министерстве культуры знающему человеку, вы точно так же получили бы грант.

– Придумать цикл не сложно, а где взять такого человека?

– Сейчас. – Волкова достала телефон и набрала номер. – Мария Николаевна? Здравствуйте, это Света. Да-да всё хорошо. Я по делу. Я сижу напротив главного редактора журнала АртХаус и учу их жизни, как получать гранты, на полезные для государства статьи. Вы бы не взялись им помочь? Есть ходы выходы в министерстве культуры? Оооо? Ну и отлично, я тогда дам ваш телефон? Отлично, позвонит Надежда Азарова. Ок.

И нажала отбой.

– Ну вот, говорит, что может помочь, а раз она так говорит, значит точно может, уж я её хорошо знаю.

– Офигеть.

– Но и это ещё не всё... – Она покрутила головой, в поисках чего-то – А можно водички?

Надежда спохватилась, что ничего не предложила гостье.

– А может быть лучше чай или кофе?

– Чай

– Отлично. – И позвала секретаршу. – Маша, сделай нам, пожалуйста, чай и кофе. Вам какой зелёный или чёрный?

– Черный без сахара и кружку побольше.

Надежда посмотрела на секретаршу.

– Мне кофе, как обычно, а госпоже Волковой чёрный чай в самой большой чашке, какая только найдётся в офисе.

– Хорошо. – И ушла.

– Слушайте, вы словно врач реаниматолог. – С энтузиазмом смотрела она на неожиданную спасительницу. – Возвращаете к жизни безнадежно больных...

– К сожалению, это не решение проблемы, это только отсрочка, и если вы не сможете перенести свой бизнес в интернет, то конец все равно настанет.

– Это понятно, но прежде чем думать о будущих успехах, нужно сейчас хоть день простоять, да ночь продержаться. Так, какие есть ещё варианты?

Дверь снова открылась, и вошла секретарша с подносом. Перед Светланой поставила большую кружку с дымящимся чаем, а перед своей начальницей чашечку с кофе.

– Спасибо Маша. – Надежда сделал глоток кофе, и посмотрела на гостью, с большим вниманием ожидая продолжения разговора.

Та с удовольствием отпила из своей огромной кружки.

– Отлично, в такую погоду только чаем и спасаться. – И без перехода продолжила. – Следующий источник дохода, это организация групп для специфических видов охоты, например на Слона в Африке...

– Боже мой, а они не в красной книге?

– Нет, но количество стран, где такая охота разрешена, постоянно сокращается. Сейчас мы возим группы в Зимбабве, а в Ботсване и Кении уже запрещено.

– И сколько стоит убить Слона?

– Не убить, а добыть – это разные вещи, и поверьте такая охота очень опасное и сложное мероприятие. Стоимость тура зависит от состава группы, но в среднем от 15 000 до 35 000 долларов с человека.

– Не слабо...

– Да, недешёвое удовольствие.

– Нет, на это я не готова, лучше я закрою журнал, чем буду организовывать группы, для охоты на слоников.

– Смешно, хорошая шутка. Если вам жалко Слонов, то организуйте тур на охоту за шедеврами.

– В смысле? Картины воровать?

– Это тоже вариант, но я, пока не об этом. Организуйте экскурсии в полезные для коллекционеров места: музеи, выставки, и так далее, вам виднее, что в этом плане может быть интересно. Главное, чтобы был некий эксклюзив, для этого договоритесь с авторитетными людьми, искусствоведами экспертами, чтобы они рассказывали потенциальным участникам о профессиональных тонкостях. Чем громче имя лектора, тем лучше и дороже.

– Идея интересная, но что мешает людям самим сходить в музей? Зачем им связываться с нами для этого?

– А вы организуйте в труднодоступный музей, или с таким лектором, которого так просто с улицы не достать. Ещё вариант – организовать целую программу посещений, за одну поездку. Есть же туры по винным замкам Франции, а почему не по музеям, с высококлассным гидом? А потом ещё и

с заездом в галереи.

– Да, интересно, а с галереями ещё договориться о проценте от продаж, если у них что-то купят.

– Именно.

– Вы где работаете Светлана? Может, возьмётесь...

– Нет, не возьмусь, я охотник, а не искусствовед.

– Жаль...

– Но и это ещё не всё.

Надежда перевернула листок в ежедневнике, в который она записывала всё, что ей говорила Светлана.

– Так, готова.

– Семинары. Почему бы вам не организовать семинары по искусству?

– Да, их сейчас полно, читают все кому не лень.

– Это так кажется. Всегда есть возможность рассказать, что-то новое, были бы знания, авторитет и способ собрать слушателей. У вас есть журнал – значит, какая-то аудитория уже существует. Донесите до неё, что они могут узнать, что-то особенное на вашем семинаре и всё – сами все придут.

– Подумаю, тут вы правы. Ещё?

– Да, последний способ из тех, что я знаю – создайте клуб журнала.

– Что это такое.

– Обойдите ваших рекламодателей, с честным разговором, что вам трудно жить. Скажите им, что создаёте клуб

друзей журнала, участники которого получают максимум ПиАра в виде публикации новостей, релизов и статей от них. Уверена, что среди них найдутся графоманы, которые любят писать на профессиональные темы. Ну, вот и пусть пишут в вашем журнале, но не просто так, а за определённые регулярные взносы. Например, вам нужно 100 000 долларов в год, вы находите десять галерей, и разбиваете эту сумму на них, то есть, каждому такому члену клуба, нужно заплатить десять тысяч долларов в год, что чуть меньше тысячи в месяц, и получить за это максимальную лояльность от вас. Если такой клуб удастся создать, то вы ещё и с распространением выиграете – эти же галереи помогут вам с продажей или раздачей тиража, так, как сами же будут заинтересованы в продвижении своих статей.

– Ого, вот это мне очень нравится. Записала. Что ещё?

– Нет, пока все. Дальше сами подумайте, какие услуги могут быть полезны вашим читателям, главное, не замыкайтесь на традиционных способах заработка в виде рекламы, и продажи тиража.

– Это я поняла. Спасибо огромное, прямо гора с плеч, есть чем заняться, кроме выклянчивания денег у спонсора. Теперь моя очередь, вы же пришли по другому вопросу – чем вам помочь?

– Мне нужен доступ к компьютеру Кашиной, и к её ежедневнику, если он есть, одним словом к рабочему месту. Ну и с её коллегами пообщаться, может кто-то слышал, с кем и

о чём она разговаривала, или с кем встречалась.

– Понятно. Пойдёмте в комнату, где она работала. Только мы всё это уже делали, когда поняли, что она не появляется на работе, не просто так.

– Что делали?

– Проверили компьютер...

– У вас есть пароль к нему?

– Да, у нашего системного администратора, есть.

– И что?

– Мы ничего полезного не увидели.

– Почту проверили?

– Да, и там лишь старые письма. Она со своим ноутбуком приходила, видимо почту снимала на него.

– Жаль.

Они вошли в небольшую комнату, в которой поместились три стола. Два из них, стояли возле окна вплотную так, что сидящие за ними, оказывались лицом друг к другу и боком к окну, а третий ближе к двери и лицом к стене. Занят был только один возле окна. За ним сидела девушка лет двадцати пяти, и глядя в монитор, бойко стучала по клавиатуре в слепую.

– Добрый день. – С порога поздоровалась с ней Надежда.

– Ой. – Девушка оторвалась от работы и встала. – Здравствуйте.

Джинсы, кроссовки, толстовка, вот и всё, что разглядела в ней Светлана.

– Познакомьтесь – Представила их Надежда. – Это наша журналистка Аня Савина, а это. – Она указала на Светлану рядом с собой, Светлана Волкова. Она, по просьбе фонда, подключилась к поиску Кашиной.

– Оу, вы детектив?

– Почти. – Светлана осмотрелась. – Какой стол Кашиной?

– Вот этот – Девушка указала на стол напротив себя.

– Всегда такой чистый? Или специально убрали? – Стол, действительно, на контрасте с Аниным сиял пустотой, кроме монитора и клавиатуры с мышкой, на нём не было ничего.

– Да, всегда.

– Как это? Разве так можно работать, совсем без бумажек и записей?

– Я не могу. – Аня со вздохом, посмотрела на свой стол, заваленный бумагами настолько, что верхние, уже скатывались вниз, при неосторожном движении рядом. Однако, удивительным образом, падали они куда угодно, только не на стол Кашиной, хоть он и стоял вплотную.

– Я тоже, никогда не могла справиться с бараклом на столе. – Светлана обратилась к Надежде. – Нужно позвать вашего компьютерщика?

– Да, сейчас попрошу Гришу, чтобы он подошёл сюда, и помог. – И вышла из комнаты.

Пока ждали Гришу, Светлана принялась осматривать ящики стола, выдвигая их по очереди. Но и в них не было ничего полезного. В верхнем – письменные принадлежности:

ручки, карандаши, ластик. В среднем: пара маленьких пустых блокнотиков, запасная бумага и несколько чистых тетрадей. В нижнем: запасные туфли, колготки, губка для обуви, и ещё что-то в этом духе.

– Идеальный порядок. – С сожалением констатировала Светлана.

Дверь открылась и в комнату вошёл невысокий, в пенсионном возрасте дядечка.

– Здравствуйте. – Поздоровался он со Светланой, и повернувшись к Анне, спросил уже построже. – Что опять случилось?

– Ничего, у меня всё в порядке, тьфу-тьфу-тьфу, всё работает. Нужно включить компьютер Кашиной.

– Так включайте.

– А пароль?

– Пароль паролем. – Проворчал он больше для себя. – Включить-то надо было. – И облокотившись одной рукой о столешницу, сильно пригнулся, нашаривая второй рукой, системный блок под столом. Через несколько секунд, стало понятно, что ворчал он не зря, операция включения, оказалась, не такой уж простой. Движения руки становились всё интенсивнее, а выражение лица, всё более напряжённым. Борьба затягивалась. Чёртов, системный блок, видимо так ловко уворачивался от руки админа, что стало ясно – полумерами тут не обойтись. – Да где же она там? – Ругнулся он, и нырнул под стол целиком.

– Кто? – Не удержалась от вопроса Светлана. Таким тоном, как будто боялась услышать, что там притаилась Кашина.

– Да, кнопка, кто же ещё.

Наконец что-то щёлкнуло, и включилось, после чего под столом, загудел системный блок, а на столе замерцал монитор.

– Ну вот, всё работает. – Удовлетворённо констатировал сисадмин, вылезая из-под стола.

– А пароль?

– Сейчас будет и пароль. – Он дождался появления окошка пароля и аккуратно вбил код, тыкая одним пальцем по клавиатуре.

Именно в этот момент у Светланы, пришла СМСка и она, достав телефон, стала что-то писать в ответ.

– Готово. – На рабочем столе экрана появились папки и аватарки программ.

– Отлично. – Светлана, тоже закончила, и убрала телефон.

– Всё, я пошёл в... – Договорить он не успел, потому что у него зазвонил радиотелефон. – Слушаю, громко ответил он. – Я же только что всё включил вам, и всё загрузилось. Ладно иду. – Он с неудовольствием посмотрел на Аню. – Как этим людям доверяют считать деньги? Ну, ведь только, что загрузил им 1С и опять...

– В бухгалтерию идёшь? Ты лучше спроси у них, когда зарплата будет, и не делай им ничего, пока не ответят.

– А чего спрашивать, я и так знаю, что денег нет.

– Откуда ты знаешь?

– Я им только что отнёс счёт за аренду сервера, так они его даже не взяли, вернули назад, со словами – приноси на следующей неделе, до конца этой точно не оплатят. – А если его отключат, что мы будем делать? Сидят смотрят на меня, как совы, только глазами луп луп, и тишина. Как говорит наш премьер: – «Денег нет, но вы держитесь». Как держаться-то? Отключат и останемся без сайта. – Произнёс он уже больше в коридор, чем Анне, нарочито громко, чтобы его услышали и там тоже. И вышел.

– Кто это? – Светлана стояла под впечатлением от визита.

– Это Гриша, наш системщик.

– Неожиданно, обычно на таких должностях шустрые мальчишки, а тут шустрый пенсионер.

Светлана села на стул, но прежде чем взяться за изучение папок и почты Кашиной, достала свой смартфон. Убрала звук, и включила видеозапись, которую она только что сделала, под видом отправки СМСки. На экране смартфона появился палец, который тыкал в клавиатуру. После каждого тычка, Светлана нажимала стоп, и записывала букву на чистом листочке бумаги, из ящика Кашиной.

«Отлично, теперь у меня есть её пароль» – Какой телефон был у Кашиной? – Подняла она голову к Анне.

– Почему был? Вы считаете, что её убили? – Голова девушки выглянула из-за монитора.

«Хорошенькая и глазки с чёртиками». – Светлана, наконец обратила на неё внимание.

– Нет, не считаю (хотя именно так она и считала). Так какой, знаете?

– Самсунг какой-то, а что?

«Отлично, Андроид значит» – Светлана вошла в гугл аккаунт. – «Ну что, Елизавета Андреевна, ты как все нормальные люди, везде использовала один и тот же пароль или нет? Сейчас проверим» Она ввела имя – Елизавета Кашина, и в следующее поле ввела, подсмотренный пароль. Гугл покрутил часы в раздумье и дал доступ. – «Отлично, молодец Кашина. Сейчас мы узнаем, где ты бывала в последнее время». – Она нашла в меню строчку «гугл карты», нажала на неё, и стала изучать появившуюся карту. – «Так-так, пропала она две недели назад... Это какое число-то? Шестое августа, получается». – Выбрала эту дату и увидела, как на карте появились флажки с отметками точек, в которых была Кашина. – «Прекрасно, всегда есть следы, нужно только уметь найти их. – Удовлетворённо отметила она. – Тогда действуем самым классическим способом – идём по следу».

Она включила фотоаппарат на своём смартфоне и стала делать снимки экрана, меняя даты в аккаунте Кашиной. Отщёлкав до 20-го июля, перешла в раздел «действий» и занялась изучением поисковых запросов в интернете: убийство Лермонтова, женщины Лермонтова, Родственники Лермонтова, Родственники Лермонтова Москва, Родственники Лер-

монтова Пятигорск, Отель Пятигорск. – Ага, так ты в Пятигорск ездила, а куда?» – Она вернулась в карты гугл, и стала ещё раз отматывать по дням. – «Вот Пятигорск и вот точки где ты побывала. До чего дошёл прогресс а... Всё фиксируется и запоминается, а большинство пользователей смартфонов, даже и не догадываются об этом. Ну и хорошо, поехали дальше». Она закрыла гугл аккаунт, и принялась за изучение почты и всего остального. Через час бесполезной возни, поняла, что зря теряет время, действительно, вся почта была, годичной давности. – «Пора пообщаться с людьми. И начать нужно с Ани напротив».

Аня.

«Так, зарплата не скоро, и что делать? Денег и так в обрез, а ещё за квартиру платить. Пора всерьёз искать работу, здесь, похоже, труба». – Она свернула страничку со статьёй и залезла в вакансии «Суперджоб». Там выбрала раздел СМИ, и стала просматривать вакансии журналиста. Их оказалось всего шесть – немного, грустно подумала она и пробежалась по зарплатам. Зарплаты предлагались в диапазоне 15-70 тысяч. Вот, семьдесят мне нравится, и что это?

«компания МЕДИА-ПАРЛАМЕНТ» – Странно, почему компания? Я же в разделе СМИ нахожусь, ну хорошо, а что делать? – Она прочла строчку обязанности: «Интегрированные функции корреспондента и менеджера. Полный цикл ве-

дения клиентов проекта: консультирования по стратегическим, коммерческим, техническим вопросам, определение цели и задачи публикации, интервьюирование заказчика, написание статьи и согласование...» – Какие клиенты? Какие проекты? Ну-ка сайт поищем». – Она задала поиск в интернете по названию, и упс, сайт не появился. – «Здрасьте-пожалуйста, как у издательства может не быть сайта? Есть упоминания на других сайтах, а своего не вижу. Вон и директор есть, посмотрим, кто это – Ханмустафаев Хаджи-Мурат Ибрагимович... – Она недоверчиво прочла ещё раз. – Это что шутка? Какой Хаджи-Мурат, Толстовский? Ладно, ясно, пропускаем. Что там ещё?»

Следующая вакансия, была с зарплатой поменьше – 65 000 рублей. Работа в Редакции газеты "Учет. Налоги. Право", в описании требований к соискателю значилось: – Опыт работы в налоговых, бухгалтерских издания, интернет-порталах, или в справочно-правовых системах. Знание основ налогового и бухгалтерского законодательства. – «Мда, я знаю основы налогового законодательства? Увы, нет... Если б знала, то не в газетёнку устраивалась бы, а как минимум в центробанк...» – Дофантазировать, как бы она развернулась в жизни, если бы знала основы налогового законодательства, она не успела:

– Вы хорошо знали свою соседку?

Аня оторвалась от вакансий, и только выглянула из-за монитора, как сразу натолкнулась на очень пристальный взгляд

странноватой женщины-детектива. Взгляд был не столько спрашивающий, сколько изучающий, буквально ощупывающий. У неё даже, появилось чувство, что она попала на чём-то предосудительном. – «Она что, поняла, что я сейчас не статьёй занимаюсь, а ищу работу? Стоп-стоп. – Остановила она себя. – Меня не об этом спрашивают».

– Что простите?

Вместо повторения вопроса, Аня увидела, как женщина, понимающе улыбнулась, и это почему-то ещё больше смутило её. – Чего это я?» – Она разозлилась и взяла себя в руки.

– Извините, я не расслышала, что вы спросили?

– Сколько вы здесь работаете?

– Ам. – Вопрос опять застал её врасплох. «Да что такое?» – А зачем вам?

– Я спросила, хорошо ли вы знали Кашину, но потом решила, что правильнее было начать со второго. Ведь если вы работаете здесь неделю, то ответ будет очевидным.

– А... – Аня потеряла нить, взгляд женщины мешал ей сосредоточиться. Она буквально кожей чувствовала, как он гуляет по её лицу: поправляет ей волосы, опускается на шею, снова поднимается к глазам, потом охватывает её целиком. – Ам, что простите?

Светлана поняла, что смущает девушку, и что надо бы смягчить нажим. Но ей понравилось смущение девушки, и соблазн немного поприкалываться пересилил.

– Меня попросили, помочь найти вашу соседку Кашину,

которая сидела вот за этим столом. – Она показала указательным пальцем на пустой стол, за которым сидела. – Вы знали её?

– Ну да, конечно я знаю её. – Начала было Аня, но споткнулась. – «Она что издевается что ли? Или это юмор такой? А тон? Тон такой, как будто она говорит с ребёнком. И как мне себя вести?»

– В её компьютере, к сожалению, нет ничего полезного. – Не моргнув глазом, соврала Волкова. – Остается надеяться, что мне поможет кто-то из её знакомых. Вы, например. Что она была за человек? Расскажите мне, какая она была: общительная или замкнутая, умная или глупая, рассказывала ли, чем занимается?

– А, понятно. – Пришла в себя Аня.

– Она делилась с вами своей текучкой? – Светлана увидела, что девушка взяла себя в руки и сменила тон на нормальный, деловой.

– Нет, не особо. Мы не были подругами, да и пересекались здесь нечасто.

– Почему? Она редко приходила на работу?

– Нормально приходила. У журналистов такая специфика работы, в основном, вне офиса. Самое главное собрать информацию, а потом на её основе напивать статью. В офисе постоянно находятся, только технические службы: верстка, корректура, реклама и т.д.

– Ну да, ну да. Давно вы вместе сидите?

– Год уже. Раньше я сидела в комнате для корреспондентов, но когда в очередной раз прошло сокращение и людей и площадей, меня переместили сюда, в кабинет Кашиной.

– У неё был отдельный кабинет?

– Ну не совсем отдельный. Она здесь сидела со своей помощницей.

Светлана заметила, что девушка немного замялась на слове помощница. – «Уж не с той ли, что помогала ей с выставкой, и с которой они потом разругались?»

– Где она сейчас? – И повернула голову в сторону третьего стола, который не выглядел занятым. Монитор на нём, был задвинут к стенке, а на свободном месте нагромодились какие-то старые журналы.

Аня, опять помедлила.

– Она давно уволилась.

– Сама, или по сокращению?

– Этого я не знаю. И лучше спросить об этом в кадрах, а ещё лучше Азарову.

«Всё ты знаешь. – Подметила Светлана. – Почему же не говоришь? Странно... Но и официальную версию ухода помощницы, тоже узнать надо, это верно. – Согласилась про себя Волкова».

Пока Светлана, что-то прикидывала, Аня, глядя на неё, озадачилась неожиданным вопросом. – «На кого-то она похожа... На кого же? На какую-то актрису? – Она стала прокручивать в голове сериалы, мелодрамы и боевики. – Нет,

не мелодрамы, и не сериалы, и не детективные расследования. Тут что-то по круче... – А точно, есть что-то общее с молодой Сигурни Уивер, из фильма «Чужие», только добавить оружие в руки, и патронташ с патронами через плечо, и будет то, что надо. Как её представила Азарова? – Она вбила в поиск имя Светлана Волкова. – Вряд ли, конечно, так найдёшь, нужно бы отчество, а то сейчас выскочит миллион Светлан Волковых...»

Так и случилось, поисковая машина вывалила огромное количество женщин с совпадающим именем и фамилией. Аня нажала кнопку «картинки», и перед ней открылась страница с квадратиками фотографий, основная масса, которых представляла из себя, вульгарную смесь женщин лёгкого поведения и женщин в поиске знакомств. Первая группа состояла из девушек пятнадцати-двадцати лет, а вторая из женщин за сорок. При этом, кто из них выглядел похабнее ещё вопрос. – «Интересно, зачем эти тётки «за сорок», фотографируются в таких отвратительно-вульгарных позах и, с ещё более вульгарными, ужимками лиц? Они на самом деле думают, что это красиво? Или я чего-то не понимаю, и именно это нужно мужикам за... А за сколько, кстати? За сорок? Это вряд ли, мужикам за сорок, эти игривые тётки нафиг не нужны. Они будут на первую группу смотреть, это ясно. Тогда на кого расчёт у тёток, на мужиков пятьдесят-плюс, а то и шестьдесят? А у них ещё что-то работает в ЭТОМ смысле? Вот и ответ, наверное, чтобы что-то зашевелилось ТАМ, у

мужичков за шестьдесят, и нужны такие похабные рожи? – Одна мысль о сексе, между предполагаемыми персонажами «за», вызвала у неё рвотный рефлекс. – Гадость какая».

Аня, всё с большим отвращением, прокручивала фотографии вниз, пока они не начали сменяться на фотографии каких-то встреч, переговоров, а потом, и просто фоток, где не было ни одной женщины в кадре. – «Жаль, не выскочила нужная, надо бы отчество узнать».

Только она собралась прекратить поиск, как её мышка уткнулась в фотографию, женщины рядом с убитым буйволом.

– Ого. – Это была Светлана. Она стояла с ружьём в руках, опоясанная патронташем поверх ремня. Сверху на ней была надета майка без рукавов, и узкие джинсы в обтяг, заправленные в армейские берцы. – Красота какая. – Аня с завистью смотрела на шикарную фигуру и силу, которую она символизировала. Женщина стояла на фоне заката, в спокойно-уверенной, но напряжённой позе, изучая приближающуюся опасность. – Вот чёрт, кто же она?»

– Это в Танзании, охота на капского буйвола.

Аня чуть не подпрыгнула от неожиданности. Она так увлеклась изучением фотографии, что не заметила, как женщина оказалась рядом с ней.

– Ам... – Она в очередной раз растерялась, как будто её застучали, за чем-то неприличным. – Я... Я просто хотела. – Она изо всех сил пыталась взять себя в руки, и вдруг бряк-

нула. – Это вы его убили?

– Да, я.

– О. – Девушка, почему-то не ожидала такого ответа. – И вам его не жалко?

– Нет, его ранил один из охотников, которого мы сопровождали, а опаснее раненого капского буйвола бывают только бегемоты и крокодилы.

– Чтооо, бегемоты? Эти смешные увальни, опасны?

– Ещё как. Бегемоты самые опасные животные в Африке.

– Да ладно, а львы тогда кто?

– Львы красивые, ленивые кошки, и на людей не охотятся.

Хотя, человек сто в год, от них тоже гибнет, это да.

– Много.

– Много? От буйволов, которых ты пожалела, гибнет ровно в два раза больше – около двухсот.

– Ого, почему?

– Потому что они сильные и злые, особенно, когда чувствуют опасность, а человек для них всегда опасность, вот и нападают.

– Боже, а от крокодилов тогда сколько?

– Около двух тысяч, а то и больше.

– Ого. Сколько же тогда от бегемотов?

– Около трёх тысяч в год.

– Во как...

– И их труднее всего убить, огнестрельное оружие, в большинстве случаев, не эффективно.

– Почему?

– Слишком толстая шкура, да ещё с прокладкой жира, её очень трудно пробить. Череп ещё прочнее, и при этом, гиппопотам всё время в воде. На поверхности только небольшая часть головы, и с большого расстояния очень сложно попасть. А приближаться опасно, это значит самому подвергнуться атаке.

– А на них можно охотиться?

– Да, можно, их много. Иногда много на столько, что начинают причинять серьёзный вред.

– И как же на них охотятся?

– Несколько способов и все довольно, зверские. Самый безопасный из них, для охотника – использовать ловушку.

– Ящик, с приманкой?

– Если бы ящик. К сожалению, нет. Ловушка на гиппопотама, это такие специальные крючья, наподобие тех, что используют на бойнях, для подвешивания коровьих туш, только они с зазубринами, как у рыболовных крючков. Их устанавливают в воде...

– Стоп стоп стоп, мне сейчас дурно станет.

– Вот именно, остальные способы ещё хуже.

Девушка снова вернулась к фотографии.

– А этот буйвол что? Напал на вас?

– Не на меня, на нашего проводника. Вначале был неудачный выстрел одного придурка, который возомнил, что он самый крутой, потом поиск раненого животного по кровавому

следу. А у этих быков есть неприятная особенность в поведении, они не только сильные и смелые, но ещё и хитрые. Этот притаился в засаде, и атаковал нас, когда мы приблизились. И хотя мы знали, и ждали, такого подвоха, атака всё равно застала нас врасплох. Он ударил, шедшего первым проводника, подцепил его рогами, и словно куклу, закинул на дерево. Там он и повис.

– Надо же...

– Да, повезло.

Аня слушала затаив дыхание. Всё это: и рассказы про охоту, и опасность, и образ женщины охотницы, было настолько фантастическим, настолько далёким от её понимания мира, и вместе с тем настолько захватывающим, что у неё немного закружилась голова, но она хотела слушать ещё.

– Как повезло? Повезло, что бык ударил его?

– Нет, повезло, что он оказался на дереве, это и спасло его.

Если бы он отлетел на землю, то буйвол бы его добил. А так он замешкался, и пока соображал, куда же делся человек, и как до него добраться, я сумела занять хорошую позицию, и выстрелить точно в сердце.

– Ужас какой. – С восторгом прошептала девушка.

– Нет, ужас не в этом, а в том, что по этому же, кровавому следу за нами шли голодные львы.

– И что?

– И что... – Светлана окунулась в воспоминания.

Пять лет назад Танзания.

– Плохая позиция, с этого угла нельзя стрелять, получим подранка. – Проводник говорил то, что ей и так было ясно.

– Нгомо прав. – Светлана обратилась к неприятному клиенту, поднимающему ружьё.

– Пусть заткнёт свою пасть, морда черножопая, учить меня ещё будет. С таким калибром, как мой, можно откуда хочешь стрелять.

Светлане, в который раз уже, захотелось врезать этому мудаку. – «Дать бы ему сейчас по башке, его же собственной винтовкой. – Она глубоко вздохнула, и медленно выдохнула, удерживая себя от радикальных поступков. – Слава богу, это последний день, и завтра они уже отправятся домой». – Она повернула голову к его спутнице, и неожиданно перехватила брезгливый взгляд, которым та смотрела на своего мужчину. – Ого, а отношения-то между ними, совсем не такие как кажутся. – Женщина тоже, почувствовала взгляд Светланы, повернулась к ней, и пожав плечами, всей своей позой, показала, что извиняется за него «дескать, не обращайтесь внимания, на дурака».

Грохнул выстрел, испугнув каких-то птиц с соседних кустов. Буйвол дёрнулся и исчез.

– Попал, я попал в него. – Охотник, возбуждённо вглядывался в то место, где только что стоял бык, но ничего не увидел, и трусцой побежал в том направлении.

В след за ним двинулась и вся наша группа. Нгомо поспе-вал рядом с охотником, ещё двое чуть сзади, мы же с его по-другой, спокойно замыкали шествие.

– И что теперь? – Она закинула карабин за спину.

– Всё, охота закончилась. – Светлана констатировала то, от чего они предостерегали стрелка. – Буйвола, теперь не до-гнать. Если не случится чуда, конечно, и мы не увидим его за тем кустом.

– Он не попал в него?

– Боюсь хуже – ранил, и теперь на адреналине, бык может бежать, очень долго, пока не рухнет. Своим ходом нам его не догнать. К машинам возвращаться, тоже не вариант, и далеко, и не проехать здесь, скорее всего.

Они подошли к кустам, где, как и предположила Светла-на, чуда не случилось. Ни за этим, ни за тем, ни за другим кустом, буйвола не оказалось.

– Он не может уйти далеко, мы нагоним его. – Упрямо тя-нул вперёд, горе стрелок, не желая признавать бесполезность преследования.

Нгомо вздохнул, и посмотрел на солнце.

– Через два часа начнёт темнеть, а нам ещё к машинам возвращаться. Мы и так уже, далеко отошли от них. – Он повернул голову ко мне, прекрасно понимая, какое решение я должна принять.

– Возвращаемся.

– Ни за что, след отлично виден, и судя по крови, рана

серьёзная. Мы быстро его нагоним.

– Нет, и опасно, и бессмысленно. – Я, видела, что говорю в пустоту. Он не слушал, и уже шагал по следу один.

– Может бросить его здесь? – Спросила Светлана в слух, как бы всех, но на самом деле, больше себя. – Пусть переночует здесь один, а завтра вернёмся за ним, будет как шёлковый. Если выживет, конечно...

– Вы это серьёзно? – Его спутница восприняла мои слова в серьёз. – Мне он нужен живым, ещё полгода. Его нельзя оставлять здесь.

«О как. – Я с удивлением уставилась на неё. – Какие откровения-то происходят».

– А через полгода что?

– Не важно... – Она с раздражением следила за удаляющейся фигурой охотника. – Через полгода я получу квартиру, и пошлю его куда подальше, а сейчас нет.

Её ноздри раздувались, как у породистой лошади перед забегом – «Вот это темперамент... – С удовольствием отметила Светлана. – Люблю таких...»

– Эй, полковник. – Волкова, в первый раз обратилась так к охотнику. От удивления, он остановился, и обернулся. – Подожди.

– Видишь, что мы были правы. – Она окончательно перешла на «ты», когда поравнялась с ним. – Договоримся так, мы преследуем быка ровно час – Она показала часы. – Дальше опасно, это плохое место для ночёвки. Ровно через час

мы возвращаемся. Понятно?

– Да, согласен, пошли, не будем терять время. – Он, повернулся, и зашагал за буйволом.

Нгомо, недовольно посмотрел на меня.

– Ну что? – Я прекрасно понимала, что это неправильно. –

Через час успеем вернуться к машинам.

– Очень плохое решение.

– Я знаю. – И мы двинулись дальше.

Через тридцать минут быстрого темпа, первым выбился из сил именно полковник. Лишний вес, алкоголь и табак, выносливости не способствовали. Ещё немного он бодрился, но вскоре стал сбавлять, сбавлять, пока не остановился тяжело отдуваясь.

– Ну что успокоились? – Светлана снова перешла на ВЫ. – Нет смысла упорствовать. Давайте пять минут передохнём, и двинем назад. А то в темноте уже не мы будем охотиться, а на нас.

Он с неприязнью посмотрел на Светлану, но промолчал.

– Ну и отлично. – Она открыла флягу с водой и протянула Елене, так звали спутницу полковника. – «Возьмёт или нет?» – Взяла, и, сделав несколько жадных глотков, вернула обратно Светлане. – «А вот и первый поцелуй» – Светлана отпила из фляги вслед за ней, не ополаскивая горлышко, и улыбнулась лёгкой улыбкой, как ей казалось про себя, но она ошиблась. Елена незаметно наблюдала за ней и тоже заметила этот косвенный поцелуй. И что сделано это было не из-за

пренебрежения к чистоте, а намеренно, тоже поняла.

– Вкусно.

– Что? – Светлана среагировала не столько на вопрос, сколько на тон.

– Вкусная у вас вода.

«Ого. – У Светланы мгновенно пересохло в горле. – Она делает мне намёк?»

И покосилась на полковника, но тот смотрел совсем в другую сторону. Он следил за Нгомо, который решил осмотреться вокруг, перед уходом.

– Да, очень вкусная.

Их, начинающийся, флирт прервал страшный треск. Они разом повернулись в ту сторону и успели заметить, как на проводника Нгомо, налетел буйвол. Он прятался в кустах, и приближение человека вынудило его пойти в атаку. Гигантский буйвол, несколько раз боднул Нгомо, а потом лёгким движением головы закинул его на дерево.

Ровно с этой секунды время для Светланы остановилось. Она всё делала автоматически: схватила винтовку, и начала двигаться влево, выбирая удобную позицию для стрельбы, лишь немного удивляясь тому, что все остальные стоят, как вкопанные, включая быка. Передёрнула затвор, загоняя пулю в патронник, и вышла на убойную позицию, точно сбоку. Подняла винтовку. Поймала мушкой место, возле левой ноги быка, буквально физически ощущая, как там, под толстой шкурой, бьётся его могучее сердце. Выстрел. Тут же переза-

рядила винтовку и, опустившись на одно колено, выстрелила ещё раз, примерно туда же. Ещё раз перезарядила, но стрелять не стала, лишь удерживала цель на мушке. Буйвол упал на передние колени, сделал попытку подняться, и почти выпрямил одну ногу, но тут грохнул ещё один выстрел, и окончательно свалил его. Уши охотницы придавила мёртвая тишина. Светлана видела, но не слышала, как время снова двинулось, толкая шестерёнки вселенной: как зашевелились люди вокруг неё, как два проводника кинулись на помощь Нгомо, как полковник поднялся и неуверенной походкой пошёл проверять буйвола, как Елена подошла к ней и что-то начала говорить. Всё происходило, словно в немом кино. Светлана, опираясь о винтовку, поднялась с колена, и вытерла рукавом капли пота со лба. В теле чувствовалась усталость и заторможенность – «Надо же, как будто километр пробежала». – Она улыбнулась своему состоянию и попыталась сосредоточиться на губах Елены, чтобы понять, что же она говорит ей, но вдруг подумала совсем о другом. – «Какие у неё мягкие и, наверное, вкусные губы...» – Ей захотелось прикоснуться к ним своими.

И тут не к месту включился звук.

– Боже мой, боже мой, как вам удалось это сделать? Три выстрела подряд точно в цель... Вы двигались с какой-то нечеловеческой скоростью. Только что стояли рядом и вдруг, раз, и уже далеко сбоку и БАМ, БАМ, БАМ – Она достала из подсумка на поясе, маленький фотоаппарат и ста-

ла фотографировать Светлану, потом быка, потом всё вокруг, стараясь зафиксировать момент истории.

– Убит. – Полковник обернулся к ним, но Светлана даже не посмотрела в его сторону, она отряхнула колени и пошла, помогать проводникам, стаскивать Нгомо с дерева.

Через двадцать минут они положили его на импровизированные носилки, и были готовы двинуться в обратный путь. Светлана подошла к полковнику, который стоял в сторонке и куда-то внимательно всматривался.

– Пойдёмте, путь не близкий, вам тоже придётся нести раненного.

– Там львы. – Он указал рукой, как раз в ту сторону, куда им было нужно идти.

Светлана взяла бинокль у одного из проводников и внимательно рассмотрела место, куда он показывал.

– Львица и с ней два львёнка, причём львица сильно истощена. – Она опустила бинокль.

– Кровь почуяли. – Процедил сквозь зубы полковник. – А опасность не чувят, зря. – И поднял ружьё.

Но выстрел ушёл в небо. Светлана ударила по стволу снизу, и помешала ему.

– Ты что?

– Нельзя.

– Ты кто такая мне указывать. – Он взбесился, резко развернулся к ней и надвинулся всей массой, словно собираясь, ударить.

Проводники, тут же подскочили, чтобы вмешаться, но она остановила их, подняв руку в их сторону.

– Ещё одно движение, полковник, и я свяжу тебя. И всю дорогу буду тащить на верёвке, как собаку. – Не повышая голоса, произнесла она, не двинувшись с места ни на сантиметр. И, при этом ухитрилась смотреть на него сверху вниз, хотя была ниже ростом.

И он остановился.

Он остановился, потому что увидел тот же самый взгляд, каким она, только что, целилась в буйвола. Ни тени сомнения, ни грамма страха, только холодная воля, и непреклонная решимость сделать то, что говорит. Он понял, что слабее её, а силу он уважал. Они ещё постояли друг против друга, но уже без надрыва.

– Ладно. – Прохрипел он. – Ладно.– И осмотрелся, в поиске поддержки, но поддержки ни от кого не получил, даже от Елены. – Пошли домой. – Сдался он окончательно. – Действительно начинает темнеть.

Через два часа, в полной темноте, при свете единственного фонарика, они всё-таки добрались до машин, погрузились, и тронулись к лагерю...

– Круто.

Светлана вздрогнула.

Наше время редакция АртХаус

Светлана вздрогнула.

– Что?

– Крутой рассказ, хоть роман пиши. – Произнесла девушка с завистью. – Нгомо сильно пострадал?

Светлана несколько секунд, растерянно смотрела на неё, соображая, что происходит.

– Я что, всё это говорила вслух?

– Ну да... – В свою очередь озадачилась Аня. Она давно уже уселась поудобнее и с удовольствием слушала рассказ охотницы о её приключениях в Африке.

– Упс... И что я рассказала?

– И про мудака охотника, и про атаку буйвола, и про львов... Кто он, кстати, почему вы называли его полковником?

– Мент, какой-то.

– А кто ему была Елена?

– Про неё я тоже рассказала? Вот чёрт...

– Да, рассказали... – Неуверенно поддакнула Аня, и вдруг брякнула, неожиданно для себя. – У вас с ней начался роман? – Её так захватила эта история, что она не смогла удержаться от вопроса. Но тут же, спохватилась, что влезает во что-то очень личное и покраснела. – Извините.

– Так, хватит об этом, дальше всё детям до шестнадцати. – Светлана остановилась, и произнесла это тоном, пресекающим любое продолжение. – Теперь твоя очередь рассказать мне, что тут у вас произошло на самом деле. Почему ушла

помощница?

Переход был достаточно резким, и напористым, и застал девушку врасплох.

«Блин, опять этот взгляд. – Анна, поёжилась от, неприятно пронизывающего взгляда собеседницы. – Ну, прямо как школьница на экзамене. А почему я дёргаюсь? Почему не рассказать, как есть? А что рассказать? Что у Кашиной с Юлькой был роман, и об этом сплетничал весь офис, пока между ними не пробежала кошка? И я даже знаю, кто это кошка, кстати. Это всё рассказать? С чего вдруг? Кто, эта женщина, с её неприятно-цепким взглядом, и что ей нужно? Завтра появиться Кашина жива – здорова, и что тогда? Я тут самая болтушка окажусь? А если не появиться? Ну, тогда, почему полиция этим не занимается?» – Думала она об одном, но говорить начала совсем другое. Видимо рассказ Светланы сломал какую-то преграду между ними.

– Кашина запала на Шахову, а Юлька стала ревновать...

– Юлька это помощница, которая сидела здесь с ней?

– Да, она.

– И что?

– И всё. Между ними произошёл разрыв и она уволилась.

Светлана переварила услышанное. – Как интересно... Шахова об этом ни словом не обмолвилась. И теперь понятно почему тогда растерялась Виктория Александровна, когда речь зашла о помощнице. – Она внимательно посмотрела на девушку.

– А ты откуда знаешь об отношениях Кашиной и Шаховой?

– Я видела их вместе на улице...

Год назад. Аня.

Она возвращалась в офис с выставки Митьков. Это была вторая выставка за день, и она чувствовала себя усталой и голодной. Печенюшки и солёные огурцы с водкой, что предлагались на ней в качестве фуршета, нормальные люди, которых правда было совсем немного, восприняли как идиотизм. Зато основная масса посетителей, наоборот, с восторгом навалилась и на водку и на огурцы, но и выглядела, при этом, соответствующе – бомжеватая смесь неопрятных людей сильно преклонного возраста. Гадость какая, и публика, и фуршет, да и картины тоже – дребедень дребеденю. Так и напишу, а в качестве эпиграфа можно взять крылатые слова Грибоедова:

Хозяйка блядь, пирог говно

Котлеты грёбаной конины.

Подайте шляпу и пальто

Еб...л я в рот, такие именины.

«Очень точно описывает выставку, и даже исчерпывающе. По большому счёту, на этом можно и закончить. – Она улыбнулась, представив эффект от такого обзора. – Жаль не пропустит литературная редакция журнала... И зря, скорее все-

го, и публику бы заинтересовало, да и организаторам бы понравилось. А если галеристка восприняла бы на свой счёт, первую строчку эпитафии, и возмутилась бы такой характеристикой, то можно было бы в качестве иллюстрации приложить фото, где она в каком-то придурковатом платье из перьев, обнимается в засос со старыми пердунами в тельняшках. Во, даже есть расхотелось от одной мысли об этом. С этим ясно, а что писать про первую? Утром в 11-00, аукционный дом Christie's, открывал предаукционную выставку русских торгов. Там что лучше было? Да ни сколько. Эти кинулись в прямо противоположную крайность. Да, всё было чистенько и гламурненько, но выступления спикеров, это просто капец. Про что писать-то? Про часы Брегет? А вот возьму и напишу, всё как было. Что выступление главы Московского офиса заняло ровно две минуты и сводилось к фразе «Всё хорошо», ни анализа рынка, ни обзора тенденций, ни характеристики покупательских предпочтений – дурдом. Зато спонсору показа, компании Брегет, отвели на выступление минут двадцать, и этот гад ухитрился рассказать всё, от производственных мощностей, до технических особенностей новых моделей, и своими турбийонами достал хуже митьков. Вот так и напишу, что кто хочет узнать подробности производства часов «Брегет», пусть идёт на выставку аукционного дома Christie's».

С этими мыслями она подошла к офисному зданию и чуть не столкнулась с, выходящими оттуда, двумя женщинами.

Одна высокая, в чёрном легком пальто, вела под руку вторую чуть меньшую, но тоже очень интересную женщину в сером плаще. – «Ни фиги себе. – Аня отпрянула в сторону, чтобы не столкнуться. – Пара выглядела очень эффектно и чувственно, видно было, что они нравятся друг другу. – Вот это да... – Девушка, остановилась и стала смотреть им в след. – Льнут друг к другу, как влюблённые... Вот так поворот... А как же Юлька? – Женщины тем временем сели в мерседес, причём высокая открыла дверь перед той, что пониже, помогла сесть и, только после этого, пошла на водительское место. – Круто. – Аня смотрела с завистью на эту сцену. – За мной интересно, будет так кто-нибудь, когда-нибудь ухаживать? – Она вздохнула, и почти что пошла дальше, но зачем-то отметила, что машина не спешит трогаться. – Что они там делают? – И зачем-то, пошла в том направлении, оглядевшись по сторонам, не смотрит ли на неё кто. – Дурь какая. Кто на меня может смотреть? Иду и иду, кому какое дело?»

Она обошла машину по большой дуге так, чтобы её не заметили оттуда. В качестве ориентира наметила себе дверь магазинчика впереди. – Пройду мимо них, и зайду в него, как будто за покупками, и кстати, куплю себе какой-нибудь круассан к чаю. – Она, прошла чуть дальше и осторожно обернулась к машине. – Вот это да... – У неё захватило дух, от увиденного. Две женщины страстно целовались. Светленькая откинулась на сидении, а тёмная целовала её прямо в губы, придерживая одной рукой голову, а другой, забрав-

шись между полами плаща...

Комната АртХаус. Наше время.

– И что было дальше?

– Ну как что? – Девушка замялась. – Секс наверное...

– Я не об этом. Часто они потом встречались? Как, где? Встречала её Шахова после работы или наоборот привозила с утра?

– Нет, этого я не знаю. Они не афишировали свои отношения. Даже когда Шахова приходила к нам, они держались так, как будто, между ними ничего нет.

– Почему?

– Не знаю. Может быть, стеснялись таких отношений.

– Тогда, может быть, и не было никакого продолжения после поцелуя в машине?

– Было-было, как раз тогда произошёл разрыв с Юлькой, которая несколько дней ходила заплаканная, а потом и вовсе уволилась.

– Ну и что? Ты видела, чтобы Кашина и Шахова встречались после этого?

– Видела несколько раз... – Опять покраснела и остановилась.

– И это длилось до последнего момента?

– Нет, в последний месяц. – Она подумала. – С середины июля примерно, между ними что-то произошло.

– В смысле?

– Обычно, когда Шахова звонила ей на сотовый, было ясно, что звонит любимый человек. Она начинала разговаривать таким нежным тоном, и сразу выходила в коридор. А в последний месяц, стала говорить странно, с неохотой, как с ...

– Надоевшей любовницей?

Девушка опять покраснела.

– Не знаю, может быть, а может быть, как с тем, кого начинаешь бояться.

– Чтооо? Давай подробнее. Она что угрожала ей?

– Не знаю, я же не слышала, что она ей говорит. Но тон Кашиной изменился, и отвечала она на звонки с крайней неохотой. В коридор уже не выходила, а только: – Не знаю, может быть...

– Интересно. – Волкова обдумала полученную информацию. – А в Пятигорск она зачем ездила?

– Кто?

– Кашина.

– Понятия не имею... А когда?

– За две недели до исчезновения.

– Я ничего об этом не знаю. – Она подумала. – Да, её не было три или четыре дня, но в этом не было ничего необычного, она и раньше в таком режиме работала.

– Ясно. Спасибо...

Вечером этого же дня в съёмной квартире. Волкова.

И так, подытожим:

1. Между Шаховой и Кашиной был роман.

2. За месяц до исчезновения их отношения испортились

3. За две недели до исчезновения Кашина ездила в Пятигорск

4. И тогда же отношения между ними стали плохими настолько, что Кашина стала бояться Шахову.

«И что это проясняет? Ничего. По большому счёту, всё в рамках обычного производственного романа: ну встретились, ну потрахались. Почему нет-то? Взрослые люди. – Светлана посмотрела на фотографии Кашиной, которые она нашла в интернете. Вот она участвует в каком-то круглом столе, вот с бокалом шампанского на фуршете, вот позирует вместе с другими фотографу, вот с кем-то общается не замечая фотографа. И со всех сторон то, что надо для романтических отношений – интересная блондинка лет тридцати-тридцати пяти. С одной стороны, уже взрослая и знает чего хочет, а с другой – всё ещё в прекрасной физической форме. Так что Шаховой, было грех не воспользоваться таким моментом. А как же тот шибздик кавказец? Ну и что? Во-первых кавказец не выглядел хозяином положения, во-вторых, что мешало держать его вместо тумбочки, из которой берут деньги? Тем более по росту он вполне годился для

этого».

Пока обдумывала события дня, походила по кухне, потом выключила свет, и чуть раздвинув шторы, выглянула в окно.

«Вроде всё спокойно. – Она, внимательно осмотрела припаркованные машины и детскую площадку. – Да, пока никаких признаков слежки. И это странно. Либо они меня потеряли, либо ждут, пока не успокоится ситуация. – Всё это время она тщательно проверяла, что происходит вокруг, даже эту квартиру выбрала, только за то, что в неё можно было попасть через другой подъезд, с обратной стороны дома. – Не пора ли позвонить Елене? – Она взяла свой сотовый, нашла её номер, потом достала новый простенький телефончик, с чужой симкой, и набрала её.

Гудок, второй, третий.... – После пятого она уже хотела дать отбой, но там, наконец ответили.

– Алё.

Сердце Светланы предательски ёкнуло. Она узнала, и этот голос, и эту интонацию – она ничего не забыла. Поэтому вместо заготовленной речи с объяснением причины звонка, вдруг произнесла хриплым голосом:

– Это я.

На том конце что-то брякнуло, потом послышались звуки шагов, потом хлопнула дверь, и только после этого послышалось:

– Не ожидала тебя услышать, уже.

– Мда, извини, но мне больше некому позвонить. – Они

помолчали. Всё, что казалось, забыто и пережито, вдруг встало перед ними во весь рост. – Мне нужна помощь. – Попыталась она увести разговор в деловую часть.

– Помощь? Ты помнишь, что говорила мне в последний раз? – Проигнорировала её попытку Елена, и продолжила, тот ужасный, не законченный пять лет назад разговор.

– Да помню, и ...

– И после этого звонишь? А извиниться для начала? Или это не круто, извиняться?

– За что это?

– За что? Напомнить?

– Не надо начинать...

– А я считаю надо...

Светлана отстранила трубку в сторону, и вздохнула – Так и знала, что придётся выслушать всё это – Приблизила её к уху: – «...блядь такая, ты подумала...»

И снова отодвинула, поморщившись, и посмотрела на часы. Стрелки показывали 23-14. – За пять лет она поднаторела в ругательствах... Интересно, на сколько её хватит?

Приблизила: – «...и после этого она звонит среди ночи, да я в гробу тебя...»

Снова отвела в сторону, покривившись, и хмыкнув. Поднялась со стула, и сделав несколько шагов по кухне, ещё раз подошла к окну. И ещё раз, стала изучать обстановку на улице, периодически прикладывая трубку к уху, и проверяя что там. И как только слышала – «Сука... вот только попро-

буй...» – отводила, но недалеко, чтобы услышать, когда там наступит тишина.

«Интересно, какая она сейчас? – Перед глазами всплыл образ Елены пятилетней давности. – Стоп, вот этих мыслей точно не нужно. – Резко остановила себя Светлана. – Какая разница, какая она? Ты звонишь ей по делу, и всё».

Наконец, через полчаса, когда стрелки часов показали 23-44, в трубке стало тихо. Светлана прижала её к уху, и то, что она услышала, заставило почувствовать себя сволочью.

– Ты плачешь?

– Знаешь, как я ждала твоего звонка?

– Знаю. – У Волковой защемило сердце.

– Приезжай.

– Сейчас?

– Нет, завтра давай встретимся.

– Ты не одна? – «Чёрт, чёрт, чёрт, зачем я это спросила?»

Возникла долгая пауза.

– Не отвечай, я поняла. Давай подъеду завтра, скажи только, куда и во сколько?

– Позвони в 11 утра. Я скажу, где пересечёмся.

– Хорошо.

И без паузы:

– Ты сука, и ты знаешь об этом.

– Да, знаю.

– Почему ты не звонила?

– Потому что злилась на тебя.

– Ну, и что? Злилась она... Всё, завтра жду звонка, пока.

И знаешь что?

– Что?

– Я рада, что ты позвонила. – И положила трубку...

Светлана ещё посидела, придерживая телефон возле уха, словно продолжая разговор, и осмысливая произошедшее.

«Всего-то нужно было, встретиться и поговорить об этих убийствах, а не старое ворошить. Ан нет. – Она вздохнула. Оказывается, ничего не закончилось тогда. Оказывается, всё ещё кровотоцит. – Как странно... Пять лет прошло, а вот, один звонок и словно вчера расстались. Может зря позвонила?»

В руке загудел её маленький телефон.

– Алё.

– Приезжай прямо сейчас. – Это перезвонила Елена.

– Как это, ты же не одна вроде?

– Уже одна, еду домой. Адрес надеюсь, помнишь?

– Помню.

– Сколько тебе ехать?

– Минут тридцать.

– Я уже буду дома, давай...

– Амм. – Промычала Светлана.

– Я не поняла, ты что там, думаешь ехать или не нет?

– Амм

– Если не приедешь, то пошла ты к чёрту. – И бросила трубку.

Светлана с улыбкой посмотрела на телефон. – «Всё такая же горячая, как и всегда... Хорошо, что позвонила».

Квартира Елены. Волкова.

Через полчаса, она парковалась возле дома своей бывшей подруги.

«Никаких выяснений отношений, никаких «ты помнишь – я помню», и уж тем более никакого секса. Только не это. Снова ввязаться в отношения с ней, точно зная, чем закончится – идиотизм. Нет – твёрдое нет. Второй раз, я на это не поведусь. Захожу, рассказываю всю историю с самого начала, и прошу помочь. Так? Да, так. И никакого секса. А если она стоит в дверях спальни (чуть не сказала «нашей спальни») вся такая нежная, в тоненьком халатике под которым ничего нет, и ... Стоп, стоп, стоп – никакого секса. Не нужно фантазировать дальше – твёрдое нет. – Она закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. – Надо переключиться. Давай, о деле думай. Что тебе надо узнать у неё? Мне нужна информация, не связал ли следователь три смерти вместе. Вряд ли конечно, но вдруг... Вдруг умный попался. – Она хмыкнула от такого смелого предположения. – Да, уже смешно. Ладно, едем дальше. Мне нужны подробности гибели Виктории и Шаховой. И в первую очередь Шаховой. Про неё вообще ничего не известно. Как погибла? Почему похороны были закрытые? Чем больше узнаю, тем луч-

ше. Отдельный вопрос, надо ли рассказывать про «проклятие Лермонтова» и роковые даты в нашей истории? А чем это тебе, или ей поможет? – Она обдумала. – Ничем, а вот помешать может. Если она решит, что у меня съехала крыша, так же, как я решила это про Викторию, то какая уж тут помощь? Только медицинская.

С этой мыслью она вошла в лифт, все звуки и скрипы, которого она знала наизусть, и нажала кнопку с цифрой 14. Лифт поехал в верх, и по мере приближения к нужному этажу, её охватывало всё большее и большее волнение.

«Да что со мной такое? Как на свидание поднимаюсь, ей богу, ну просто дурдом».

Она вышла из лифта, подошла к двери, и только подняла руку к звонку, как она распахнулась.

– Амм... – больше ничего сказать не успела.

Две руки, с силой втянули её внутрь, закрыли дверь, и прижали к стене в прихожей.

– Ммм... – Те самые, вкусные губы прижались к её губам и стали целовать, не давая произнести ни слова, а руки тем временем стали снимать одежду.

Она оторвалась от губ:

– Мне нужно в душ.

– К чёрту душ, всё потом. – Горячий шёпот, сквозь прерывистое дыхание, проникал ей прямо под кожу, и расплзался горячей волной желания, выгибая навстречу горячим и страстным рукам.

Она почувствовала, как эти руки сдвинули бюстгальтер вниз, и обхватили её груди.

– Оооо, как я ждала этого. – Елена, и целовала, и покусывала шею Светланы, опускаясь всё ниже и ниже, пока её губы не поймали левый сосок, и не всосали его. Электрический разряд удовольствия с такой силой выгнул грудь Светланы навстречу губам, что она чуть не потеряла равновесие. Голова начала кружиться, и она обняла свою бывшую подругу то ли, прижимая её к себе, то ли, пытаясь устоять на ногах.

– Ммм. – Застонала она. – Пойдём в постель, или я упаду...

– Сейчас, сейчас. – Горячо шептала Елена, рука, которой уже скользнула под тоненькую ткань трусиков.

– Что ты делаешь? Я сейчас упаду... – Но пальцы уже нащупали самую горячую точку, между её ног и стали гладить её, всё усиливая, и усиливая давление. – Боже, я сейчас кончу, я сейчас... – хрипела Светлана и помогала движением бёдер своей подруге. – Войди в меня, войди. – Плотно прижалась она к ладони Лены и та скользнула внутрь неё двумя пальцами. – Оооо, оооо. – Застонала она, сжав бёдра, и после нескольких толкательных движений внутри, стала кончать, выгибаясь всем телом.

Через минуту немного отдышавшись, и придя в себя, Светлана почувствовала, как руки Елены потянули её в спальню.

– Нет, нет, нет. Вначале в душ...

Спальня шесть часов утра.

Светлана открыла глаза от какого-то навязчивого звука.

– Что это? – Простонала она не в силах пошевелиться.

– Будильник, что же ещё. – Услышала она такой же стон, рядом. И почувствовала, как чья-то рука скользнула по коже живота и, поднявшись выше, обхватила грудь.

– У тебя остались силы?

– Не знаю.

– Сколько время?

– Шесть.

– И ты сможешь встать?

– Не знаю.

– Что ты натворила?

– Что?

– Я пришла к тебе за помощью, а ты что натворила?

– Помогла тебе. Нет?

– Нет, ты набросилась на меня, как тогда в Танзании.

– Вот, как? А мне показалось, что это ты на меня тогда набросилась, а не я.

– Ну конечно... Я спокойно отдыхала после тяжёлого дня в своём бунгало, а ты пришла и набросилась на меня.

– Я пришла с бутылкой хорошего вина, сказать спасибо, за то, что ты поставила на место этого самоуверенного дурака...

– Твоего полковника?

– Никакой он не мой...

– Да, ладно ладно, не оправдывайся, я всё про вас знаю.

Через полгода ты должна была получить квартирку, и после этого убить его...

– Не убить, а послать на хуй.

– А это не одно и то же?

– Нет. В уголовном кодексе за первое дают пятнашку, а за второе не дают. Так что по закону, это не одно и то же.

– Теперь буду знать.

– А ты приходи почаще, я ещё много чего полезного знаю, про уголовный кодекс. Буду тебе рассказывать.

– Я и пришла по делу, но ты же слова не даёшь сказать, сразу набрасываешься. Так в уголовном кодексе написано делать?

– Нет, это ты меня научила, когда первая подкараулила возле двери своего бунгало, стоило мне только приблизиться к ней.

– Да, да, я же говорю, что всё про тебя знаю, ты пришла сказать спасибо за дурака полковника, а не потому, что захотелось секса со мной...

– Именно сказать спасибо, а ты выскочила голая, и поймала меня.

– Не голая, а в полотенце после душа.

– Которое случайно упало прямо в дверях.

– Оно не упало, а ты его сняла.

– Да, я. Но втащила меня внутрь бунгало, и тут же уложила на кровать – ты.

– Я, я. А ты, как видно, хорошо запомнила этот приёмчик, и теперь с успехом применяешь его.

– Какая ты сволочь... – Томно простонала Елена. – Ничего я не применяю. – И теснее прижалась к ней. – Её пальцы, тем временем, нащупали сосок Светланы и стали нежно покручивать его, с удовольствием отмечая, как он твердеет.

– Если продолжишь, это будет двадцатый оргазм за ночь.

– И что? Надо запастись впрок твоими оргазмами, кто знает, когда ещё пройдёшь возле двери...

Через час на кухне.

Елена вышла из душа и села за столик, на котором уже стояли дымящиеся чашки с кофе и тарелочки с творогом.

– Я смотрю, ничего не поменялось с тех пор. Всё на своих местах, и кофе, и творог...

– Почему что-то должно меняться?

– Ты не вышла замуж?

– Нет. – Елена, тоже внимательно посмотрела на Светлану. – И если судить по количеству оргазмов, то у тебя тоже, с личным, не всё в порядке.

– Это верно, не всё. Видимо, я как-то неправильно себя веду, раз мне всё время изменяют, да ещё так, что я узнаю об этом. – Елена, что-то хотела ответить, но Светлана оста-

новила её, чтобы не затевать разговор о том, что случилось между ними. И сменила тему. – Ты торопишься?

– Тороплюсь, конечно, но если опоздаю, то ничего страшного. Всё равно скоро увольняюсь. Так что рассказывай.

– Увольняешься? Почему?

– В октябре сдам экзамен на адвоката, и прощай МВД.

– Ого, а сдашь? Я слышала это не просто.

– Да непросто, около шестисот вопросов. Причём с вопросами по уголовному праву уж как-нибудь, всё-таки юридическое высшее у меня есть, а вот арбитраж и налоги, действительно сложно, но я готовлюсь. И плюс, нашла ходы выходы в Новгородской палате адвокатов, там и буду сдавать.

– А работать потом где, в Новгороде?

– Нет, там делать нечего. Частично в Москве, но в основном за границей.

– Фиу. – Присвистнула Светлана. – Ничего себе планы...

А там-то кого защищать?

– Не защищать, а заниматься легализацией культурных ценностей.

– Фиу. – Ещё сильнее присвистнула Светлана. – Поясни.

– После того как наш тандем в одиннадцатом году опять поменялся на Путина, очень многие богатые люди поняли, что это надолго, и перебрались жить, кто в Европу, кто в США, кто в Израиль. Многие прихватили с собой картины, вывозить, которые по закону, было нельзя.

– А как же вывезли?

– Не важно – кто как. Главное, что картин там много и они стоят приличных денег, только продать их легально нельзя.

– Почему?

– Потому что, сразу возникает вопрос – откуда они?

– На чердаке у бабушки, или там же в европах и купили...

Что, наврать что ли трудно, что-нибудь в этом духе?

– Нет не трудно, только без экспертизы не продать.

– А у них нет?

– Есть-есть, без экспертиз бы сами не купили, только сделаны были эти экспертизы – в России. А это значит...

– Что картины были здесь.

– Точно. И сразу вопрос – как въехали и как выехали?

– Поняла. И что? Ты знаешь, что с этим делать?

– Да знаю. И хочу, быть первой, кто предложит реальную схему по легализации. А первый, как известно, снимает сливки.

– Ничего себе... Сама додумалась?

– Нет, есть знакомый еврей коллекционер, он мне об этой проблеме и рассказал. Сейчас живёт в Германии, и рад бы выставить что-то на Сотбис или Кристи, да не может и именно по этой причине. С него и начну. А дальше сарафанное радио и плюс пара статей на популярном ресурсе в сети, сами всё сделают.

– Ну, дай бог...

Они помолчали. – «Надо же, она совсем не изменилась, маленькие морщинки у глаз не в счёт» – Светлана рассмат-

ривала женщину напротив. Тоже самое делала и она.

– Ты совсем не изменилась, точно такая же, как пять лет назад, даже ещё интереснее стала. Я всё время помнила о тебе. Находила твои фотографии в сети. Думала с кем ты, где ты... Почему ты так долго не звонила? Я ждала.

– Не начинай. Прошое не вернуть. Ты ставишь цели и добиваешься их любым способом, включая постель. Я так не могу.

– Я и увольняюсь потому, что мне это надоело. – Елена накрыла своей ладонью ладонь Светланы. – У меня ни с кем не было такого секса, как у нас с тобой. Давай всё вернём.

Светлана вытащила руку, встала и подошла к окну. Молча, стояла несколько минут, рассматривая пешеходов и машины.

– Понятно, ты не простила меня. – Елена проглотила подступивший комочек, и сделала несколько глотков кофе. – Ладно, проехали. Тогда рассказывай, что у тебя стряслось?

Светлана, не повернувшись. Она продолжала смотреть в окно и думать. – «Ну и что делать? Может сказать ей про диагноз? Что мне остался год, ну максимум два? Сказать? Ну, хорошо скажу, только кому от этого легче? Начнёт жалеть, заботиться, лечить... Говорить, что в Израиле есть такие врачи, и такие технологии, которые нам и не снились, и так далее и так далее. Мне это надо? Нет, хочу прожить оставшееся время полноценным человеком, а не больной курицей, вокруг которой все кудахчут. Да и ей, зачем вешать такую

обузу? Вон, какие замечательные планы у неё. Ничего не буду ей говорить. – Решила она твёрдо. – А конверт? Вдруг там, что-то не то? Вдруг нет подтверждения? Открыть? А вдруг есть? Нет уж, пусть идёт, как идёт. Слава богу, есть чем заняться и есть, чем голову занять».

Она вернулась к столу и снова села напротив Елены. – Слушай...

Через полтора часа.

– Ничего себе... – Только и сказала Елена, когда Волкова закончила.

– Вот именно. – Согласилась Светлана и подумала про себя. – «И это я ещё не стала рассказывать про «Проклятие Лермонтова», и потенциальную возможность связи с Демоном. Что бы ты тогда сказала?»

– Если все три смерти связаны между собой, то ты понимаешь, с какими силами столкнулась?

– Да понимаю, и поэтому живу сейчас в съёмной квартире, и езжу на арендованной машине.

– Ну да, учить охотника быть незаметным глупо, особенно, такого как ты. И что ты собираешься делать?

– Собираюсь найти и убить всех, кто имеет отношение к смерти Ольги.

– Ого. Ты так её любила? – В голосе Елены, слышались нотки ревности.

– Любила не любила, уже не важно, но такой смерти она точно не заслужила. И это ИМ с рук, не сойдёт.

– Так ведь её смерть ошибка, хотели убрать тебя.

– Вот именно, и то, что я ещё жива (перед глазами появился конверт в сумке, и она мотнула головой, прогоняя видение) ИХ большая ошибка. И я до них доберусь.

– Дура чокнутая, ни черта ты не поняла. Тебе нужно немедленно смыться куда-нибудь.

«Для чего? Чтобы помереть через год в больничной койке?» – Чуть не ответила Светлана, но спохватилась и ответила совсем другое:

– И не подумую – я их выслежу, и всех перебую.

– Блять... – Вырвалось у Елены. От последней фразы и главное от решительности, с которой она была сказана, у неё поплыли стены перед глазами. – «Боже, во что она влезает? А я?» – Ужас предстоящих событий и их последствий представился ей с кристальной ясностью. – «Мне это надо? Через два месяца, у меня начнётся совсем другая жизнь, а вот если, я сейчас втянусь в это, то она может и не начаться...»

– Чего ты ждёшь от меня?

– Узнай, не объединены ли все эти дела в одно? – Светлана увидела, как скептически поджалась губы её собеседницы. – Я понимаю, что вряд ли, но вдруг кто-то умный нашёлся... И если нет, то мне нужны подробности гибели Шаховой. Как случилось, где случилось, и были ли свидетели.

– Всё?

– Всё.

– А ты подумала, чем это может грозить мне?

Светлана не подумала, и это отразилось на её лице.

– Ты понимаешь, что все, с кем ты сейчас будешь общаться, попадают в зону риска? Тебе то хорошо, где захотела появилась, когда захотела пропала. А другим? Кому надо каждый день на работу, с работы, в семью?

Светлана поняла, каким будет ответ. Она поставила себя на место подруги, и увидела выбор перед которым та оказалась – стать адвокатом, через два месяца, и заняться очень денежным делом, или, через два дня, попасть под машину.

– Извини, я не подумала. – Ей очень захотелось сказать другие, правильные слова: – «Какие же вы менты козлы!» – Но она не стала. Всё-таки, в первую очередь, перед ней была её бывшая подруга, а уж во вторую сотрудник МВД, да ещё не из очень боевого подразделения. Так что срывать на ней досаду за всех ментов, и глупо, и странно. – Извини.

Она поднялась.

– Спасибо за завтрак, и прекрасную ночь. Мне пора.

– Подожди, я же не сказала нет... – Зачем-то произнесла Елена, хотя именно это она и хотела сказать.

– Конечно, конечно, я поняла, спасибо. Если тебе удастся что-то узнать, не привлекая к себе внимания, то и отлично, а не удастся не страшно – я справлюсь. – Посмотрела на часы. – Ооо, засиделись мы с тобой, я тоже опаздываю. – И

пошла одеваться.

Елена осталась на кухне, уставившись в чашку с кофе, но вряд ли видела её. Она поняла, что они больше никогда не встретятся, что их пути разошлись окончательно, и ей было больно от этого...

Через час напротив музея Лермонтова.

Светлана прохаживалась по Малой Молчановке, размышляя о своих дальнейших действиях.

«Правильно ли зайти к ним, вот так, без предупреждения? Не покажется ли это странным? А если покажется, то что? Да ничего – возьмут и перезвонят в фонд, с вопросом кого и зачем к ним отправили. И что тогда? – Но пока она задавала себе этот вопрос, к ней мгновенно пришёл ответ с решением. – Надо организовать звонок оттуда и всё. – Она, достала смартфон, вошла на сайт музея и набрала контактный номер. – Алё.

«Алё, передразнила Светлана про себя, взявшую трубку женщину. Не могут научить секретаршу правильно отвечать что ли? Да и голос какой-то не молодой. Странно. Алё...»

– Здравствуйте, это из фонда культурное наследие. Можно мне поговорить с Валентиной Брониславовной?

– Да, это я.

– Отлично. – Светлана удивилась второй раз. – «Надо же, сама трубку поднимает...» – У нас тут некоторые переста-

новки в связи со смертью госпожи Шаховой.

– Да, да я в курсе. Мне же звонил вчера ваш президент, господин Рейнер.

– Он предупредил, что мы организовали поиск Кашиной, и помочь нам в этом пригласили специального сотрудника?

– Нет.

– Её зовут Волкова Светлана Сергеевна. Когда было бы удобно, ей прийти к вам?

– Зачем?

– Поговорить со всеми с кем общалась Кашина, вдруг, поделилась с кем-нибудь о своих планах.

– Хорошо, конечно.

– Много времени это не займёт, не переживайте.

– Может быть, есть список вопросов? Вы бы прислали заранее, чтобы мы подготовились.

«Очень плохой вариант. – Светлана, стала быстро соображать, как увернуться от этого. – Ясно, что вопросы надо отправить по электронной почте, и почта должна быть от фонда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.